

О том, как научился слышать лес, нашел единомышленников и свое место в мире

<http://oralhistory.ru/talks/orh-1506>

🎤 1 декабря 2012

Собеседник

Агаджанян Александр Карэнович

Ведущий

Формозов Николай Александрович

Дата записи

Беседа записана 1 декабря 2012 и опубликована 29 апреля 2014.

Введение

Вторая беседа с биологом Александром Агаджаняном начинается с воспоминаний о деде, земском враче Борисе Васильевиче Ермолове и размышлений о роли врачей в российской сельской жизни XIX века. Весь последующий рассказ ученый посвятил наиболее ценному опыту дружбы и служения своему делу, который ему довелось обрести в КЮБЗе — Кружке юных биологов зоопарка, где свои первые научные работы и человеческие открытия сделали многие блестящие ученые разных поколений.

Романтика каждодневного кропотливого труда, множество раз повторенных маршрутов и аскетичной жизни соседствует с тонким восприятием природы, ее духовного компонента, который, считает ученый, дано слышать и замечать тому, кто готов к этому технически, кто физически вынослив, кто способен на длительные пешие переходы и умеет быть упорным и ответственным.

Александр Карэнович Агаджанян: Я созвонился с сестрой, Мариной Карэновной — родной сестрой, она меня моложе. Как я говорил, я довоенного производства, а она в 1946 году, когда отец с фронта вернулся, родилась. Но она была всегда теснее связана с потомками Ермоловых, как бы мамину несла традицию. Потому что на маму постоянно выходили из музея Ермоловой. К сожалению, потому что и Бахрушинский, и Ермоловский [музеи] изъяли у нас все архивные фотографии, сегодня почти ничего нет. Сестра мне назвала имена прадедов, а после этого я полез в интернет и нашел документы. Очень кратко скажу: этого я, сказать честно, не знал. Во-первых, судьба и становление всех ермоловских линий происходили все-таки в Москве, а не в Питере, хотя часть из них потом откочевала и в Питер; и основание — та точка, до которой прослеживается судьба Ермоловых, то есть, с одной стороны, моего деда Бориса Васильевича Ермолова, с другой — Анны Николаевны Ермоловой, которая была матерью его жены Ольги Всеволодовны (Шереметьевской по отцу). Оба эти брата берут начало от Алексея Семеновича Ермолова, про которого известно, что он был крепостной скрипач князей Оболенских. Он был привезен в Москву...

Николай Александрович Формозов: Оболенских или Волконских?

А.А.: Волконских! Так и написано: «князей Волконских». Но вот написано, что он получил вольную. Деталей я не знаю, то есть сам ли себя выкупил или просто за службу государю, князьям... Так или иначе, видимо, уже его дети таким образом были вольные, а не крепостные, судя по всему.

Н.Ф.: Какой это год? Когда он получил? Они рождения какого года примерно, дети?

А.А.: Сказано, что Алексей Семенович в 1820-м году...

Н.Ф.: А, понятно.

А.А.: ...был помощником гардеробмейстера. Понятно, это теперь бы костюмер был, но с немецким таким акцентом: грандмейстер, гардеробмейстер.

Н.Ф.: Помощник — это мальчишка, наверное, в гардеробе на подхвате.

А.А.: Нет, это уже после скрипки. Это, скорее, когда он уже... не на пенсию, но это у него уже вторичное было.

Н.Ф.: То есть они XVIII века рождения, их жизнь состоялась...

А.А.: Нет, сыновья, может быть, как раз родились в начале XIX века.

Н.Ф.: Я поэтому и думаю, что понятно...

А.А.: Сам он — Алексей Семенович — отец... На самом деле было не два брата, а четыре сына и две дочери. Но мы знаем, и меня волнуют эти два сына из четырех. Сам он начинал как скрипач крепостной, получил вольную и в 1820-м году, видимо, уже когда были дети, когда он уже перестал играть, выступать как скрипач, стал гардеробмейстером.

Н.Ф.: Подождите, это Семен или Алексей? Алексей же?

А.А.: Алексей Семенович Ермолов, отец Ивана и Николая.

Н.Ф.: Тогда понятно. И он получил вольную как раз?

А.А.: Он получил вольную, был скрипачом, потому что из них на музыкальных [инструментах] потом никто не играл. А вот, видимо, уже не на старости лет, а когда семьей оброс, он был гардеробмейстером. И дальше два брата: Иван Алексеевич и Николай Алексеевич. Что касается Ивана Алексеевича, то как раз именно он был танцор, причем сказано, что он даже потом держал танцевальную школу, занимался постановкой балета в Императорском Большом театре. Например, среди его учеников был купеческий сын Костя Алексеев и его брат. Тут довольно много еще...

Н.Ф.: То есть вы и к Станиславскому имеете отношение.

А.А.: Нет, никакого.

Н.Ф.: Ну как? Я так понимаю, что Костя Алексеев — это...

А.А.: Конечно, но я имею в виду, что никакого, в том смысле, что...

Н.Ф.: Как учитель по крайней мере. Ваш предок — как учитель Станиславского.

А.А.: *(Смеется.)* Тут написано: он создал собственную школу частную, обучал танцам, в том числе и купеческих детей семьи Алексеева, где учеником оказался сын Сергея Владимировича Алексеева — Костя Алексеев.

Н.Ф.: Замечательно.

А.А.: Но дело не в этом, а в том, что один из сыновей, соответственно, Ивана Алексеевича был юристом. А его сын Борис, мой прямой дед, был врачом, получил медицинское образование. А Ивана Алексеевича родной сын *(оговорка, должно быть: брат. — Ред.)*, Николай Алексеевич, имел много детей, и в том числе две дочери, одна из которых, Анна Николаевна, потом была педагогом, преподавала естествознание, ботанику в частности, и на ней женился Борис Васильевич Ермолов, это родители моей мамы. А сестра Анны Николаевны Марья Николаевна — тут огромный текст многостраничный — Мария Николаевна Ермолова, но мы это сейчас обсуждать не будем. Если вы видели снимок свадебный, она там стоит где-то в тени и в задку. *(Смеются.)*

Н.Ф.: Да-да.

А.А.: Вот, наверное, и все, что я хотел про Ермоловых...

Н.Ф.: Дополнить.

А.А.: Да, дополнить.

” В библиотеке Всеволода Петровича Шереметьевского, моего прадеда, — и эта книжка хранится до сих пор в моей библиотеке — есть математика Магнитского в оригинале, по которой, как я понимаю, Михаил Васильевич [Ломоносов] — не по этому экземпляру, но по Магнитскому — осваивал в свое время математику.

О земских врачах

Н.Ф.: Понятно. Давайте тогда закончим с дополнениями. Вы еще хотели о земских врачах рассказать.

А.А.: Да-да. Я просто к тому, что Господь милостив: я много общался с дедом, причем довольно уже поздно, я уже понимал ценность этого общения... Я хочу, чтобы мы все понимали и чувствовали смысл и значимость земских врачей в конце XIX — начале XX века. Понятно, в Москве были театральные деятели, писатели, поэты, были издания, газеты. Но все-таки не будем забывать, что, в сущности, до Второй мировой войны, а тем более до Первой мировой войны Россия была сельской страной, и подавляющая часть населения и сыновей ее, причем не только крестьян непосредственно, жили в сельской местности. И как мне кажется, и это очень важно (потому что это я слышал от деда, но это мы можем и у Булгакова, и у Чехова найти и даже у Островского, отчасти и у Горького в «Егоре Булычеве»), что доктор был одним из стержней этой провинциальной жизни. И в «Чайке», и где угодно — в любых пьесах всегда фигурирует доктор. Доктор фигурирует рядом с Львом Николаевичем Толстым, я уж не говорю про царскую семью и так далее.

Но я говорю не про стоицизм и героизм российских докторов, а про то, что, как мне представляется, в сельской местности это была вторая фигура после батюшки, после приходского священника, вокруг которого концентрировалась, если угодно, культура или какая-то духовность в широком смысле, включая и компоненту культуры. И не случайно за любым господским столом [сидели] священник и доктор. Причем, как я понимаю, до 1861 года, до создания института земства, до отмены крепостного права. У крестьян не было докторов, были бабки-знахарки, и все. У помещиков были свои доктора, или через одного был доктор. Может быть, не в каждом, но в крупных поместьях, как мы бы сейчас сказали, были штатные доктора. А вот у крестьян-то ничего... Но с созданием земства и земских больниц это как бы стало штатным. Конечно, это были огромные территории, которые находились под опекой земских врачей. Но больницы и сами доктора как личности были такими центрами наравне со священниками — носителями какой-то культуры, какой-то духовности, каких-то знаний, ну и конечно, той реальной помощи широкому населению, о которой рассказывал мой дед. По-моему, я об этом говорил, часто его приглашали: «Доктор, скорее-скорее!» Они уже салятся в телегу, едут, тут выясняется — корова рожает. И более того. Дед рассказывал, как, например, по весне были серьезные проблемы, когда иногда перед пахотой коров выгнали на луг, а там лошадь, и она бок пропорола от резвости, а пахота предстоит. И крестьянин... Что ему жена? Рука заживет, если порезала там или вывихнула. А если у лошади — все: это остаться без хлеба на будущий год. Поэтому ему [деду] приходилось даже врачевать и скотину. И я наблюдал не раз в Крюкове, уже после войны. Дед до этого работал в Рукавишниковой больнице на Пятницком шоссе, его окрестность вся знала, все с ним здоровались: «Здравствуйте, доктор!», «Здравствуйте, Борис Васильевич!» — так и идешь с ним по селу. Он мне рассказывал, и поскольку я это видел, я себе хорошо представляю: «Здравствуй, бабка Марья! Здравствуй, Пелагея, как родила? Как после родов? Как внуки или дети твои?». Это все были его больные. Или такой разговор: «Здравствуй, Матрена, ну как там?» — «Да все хорошо, доктор, хорошо. Пилюльки твои пила, но пуще всего, доктор, мне твой градусник помог». *(Смеются.)*

Анекдот ли это, но я это слышал из уст деда и наблюдал эти встречи, эти сцены — они очень живые, и я очень хорошо их помню...

Н.Ф.: Это какой-то с земских времен анекдот.

А.А.: И еще, в частности, его пути жизненные пересеклись с Михаилом Михайловичем Пришвиным. Где-то он в Талдомском районе работал. Это были 20-е годы, послереволюционные. У него [Пришвина] был сын Петя. И Борис Васильевич рассказывал, как Петька где-то лазил. И поскольку Пришвин и местный доктор... они должны были пересечься.

Н.Ф.: Охотники оба.

А.А.: В карты поиграть, охотники оба. Петька руку сломал, он [дед] лубок наложил и сказал Михаилу Михайловичу: мальчика высечь — тогда это была обычная воспитательная мера, не современные европейские штучки, — а дальше дать ружье и отправить на охоту. Но вот как Господь все улаживает.

Я же говорил, что после войны дед остался в поликлинике Генштаба работать и имел возможность меня брать с собой в Заболотское охотхозяйство — замечательное генштабовское охотхозяйство.

” Я впервые сидел на заре на утином пролете, рядом с шалашом танцевали журавли. Я их не видел, но слышал этот весенний танец, этот клеткот. И эти утки, которые над водой идут в восходящих лучах солнца, все такое...

Ну, дед одну-двух уток, по-моему, убил. Мимо нас они не особенно летели. Это заезд с ночи: на длинной такой пироге несколько человек егеря развозит. Директором Заболотского охотхозяйства в 50—60-е годы был Петр Михайлович Пришвин, родной брат... то есть родной сын Михаила Михайловича. Ну, жизнь шла, деда не стало, а мы, уже студенты, с известным вам Женей Матюшкиным, впоследствии крупным очень

биогеографом, моим близким другом, с которым мы всю жизнь прошли параллельно... Я с удовольствием об этом как-нибудь расскажу и, к счастью, имел возможность даже написать. Не то чтобы я долг свой выполнил, но во всяком случае что-то я написал о Жене. И благодаря Татьяне Ивановне Дмитриевой я даже... Потому что она, прочитав, сказала: «У тебя слишком сухо и официально, ты про себя совсем ничего не пишешь». И я написал по-другому немножко.

Н.Ф.: А для какого издания?

А.А.: Вышел посмертно, когда Жени не стало, сборник. Это Люся, героическая жена, собрала. Отдельный сборник воспоминаний, он открывается моей статьей.

Н.Ф.: А, я знаю, она мне дарила.

А.А.: Прочитайте там хотя бы мою статью, но там очень хорошо и другие написали...

Н.Ф.: Я тоже писал о Евгении Николаевиче, я тоже к нему с большой любовью относился.

А.А.: Как-то мы оказались очень взаимно дополнительными. Так всю жизнь, в общем, до его смерти... Но это отдельно я могу с удовольствием рассказать. Женя всегда был мотором в нашей двойке-тройке — потом Гера Кузнецов примыкал к нам. Мы ездили по Подмоскovie, как в юннатские годы. Но мы уже были студенты, — как-то более осознанно. И вот он сказал, что есть такое Заболотское охотхозяйство, там всякие интересные места, знаменитое Туголянское озеро, и мы стали туда ездить. Но это было охотхозяйство генштабовское, и просто так туда нельзя было ездить — там очень сильная была система егерская. Мы обратились к Петру Михайловичу, который писал нам записки (по весне особенно), и нам разрешалось на дальние кордоны добираться.

” В записке специально указывалось, что глухариный ток нам посетить можно, но стрелять нельзя. А на тяге мы имеем право пострелять. Мы там бывали на глухариных токах, на Туголянских озерах по два-три дня, в середине апреля или в предмайские дни. Егеря по этой записке нас водили на глухариные тока, фотографировать. Особо фотографий нет, но впечатлений, конечно, в душе и в сердце осталось полно!

Эти Туголянские озера... Мы по несколько дней там с ночевкой с Женей бродили, но регулярно должны были, когда посещали охотхозяйство, являться к Петру Михайловичу и получать от него такую записку. И однажды я набрался смелости и сказал, что я Бориса Васильевича Ермолова (это уже мы были третье-четверокурсники) — вот егойный внук. Он сказал: «Как же, как же!» — и дальше я услышал историю, которую рассказал Петр Михайлович. Он не знал, что мне рассказывал дед: что они с отцом в Талдомском районе, что он сломал руку, что доктор наложил лубок и сказал, что мальчика высечь, а дальше дать ему ружье и пустить на охоту и прочая, и прочая, и прочая. Тут некоторая такая оказалась проверка... *(Смеются.)*

Н.Ф.: Суров был Борис Васильевич — со сломанной рукой-то сечь как же?

А.А.: А очень просто: это же, как вы помните, написано еще в Домострое — что и слуг можно побить, и жену. Но жену только не при прислуге и ни в коем случае не кулаком, а кнутом, или ремешком, или прутом, чтобы не нанести увечья. Поэтому и детей секли, если дед говорил: «высечь» — имелось в виду даже не ремнем, и уж тем более не дай бог рукой, а прутом, это больно, но безопасно. Ну, он как медик и в этом смысле морфолог... *(Смеется.)* В Англии детей секли до 1950-х годов в школах, если не поздней, так что это было...

Н.Ф.: В духе времени. Конечно-конечно.

А.А.: ...вполне в норме той эпохи. И дед был сыном своей эпохи. Я это к чему: это не случайно, что они пересеклись, слишком мало было носителей культуры в сельской местности...

Н.Ф.: Ну конечно.

А.А.: Это вот о значении земства. Это, пожалуй, все, что мне хотелось сказать.

Начало войны. Эвакуация

Н.Ф.: Да-да. Значит, давайте тогда вернемся к основному повествованию. Вы рассказывали о материнской и отцовской линии.

А.А.: Вроде я и то и другое рассказал.

Н.Ф.: А о себе еще не рассказали.

А.А.: Ну, я постараюсь сначала покороче, потому что...

Н.Ф.: Почему?

А.А.: Сейчас-сейчас. Потому что я хорошо помню эвакуацию, а это характеристика Страны Советов 43—45-го годов. Тут тоже можно много рассказывать, но иначе мы не доберемся до конца.

Н.Ф.: Ничего-ничего.

А.А.: Я родился в 1940 году в том самом роддоме у Никитских ворот. На лето выехали на Сходню, и, соответственно, затем началась война. Бабушка, которая после того как арестовали мужа (бабушка Анаид), работала в библиотеке (я это рассказывал) шарикоподшипникового завода (ее подруга пристроила, библиотекарь), только не на абонементе, а в хранилище, чтобы не маячить.

Н.Ф.: Да, вы рассказывали.

А.А.: Так или иначе, с заводом они выехали в эвакуацию, где я и вся семья — сейчас скажу, кто — провела до осени 45-го года. Но я, в основном, там по детским садам ходил. Бабушка Анаид, моя родная бабушка, мама моего отца Карэна, который в это время был на фронте, ее младшая сестра Анна, электрик-энергетик, Ольга Всеволодовна Шереметьевская (бывший профессор Московского университета, математик) и моя мама — историк по образованию. Но она поступила, как я понимаю, работать на завод, в лабораторию. Она потом рассказывала, по металлу они определяли качество... Все время [осуществляли] контроль выпускаемой продукции. Шарикоподшипники — это танки, самолеты... понятно. А московский Второй шарикоподшипниковый был на окраину Куйбышева эвакуирован. Ольга Всеволодовна там умерла, в эвакуации, — я, в общем, ее не помню. Мама уехала в Москву, и дальше я рос среди двух сестер-бабушек.

Н.Ф.: У меня вопрос возник еще из прошлого вашего рассказа: вы говорили, что Анна была замужем за Столяровым, и что это тоже был видный большевик...

А.А.: Да, организатор большевистского подполья РСДРП — ну, организация РСДРП Замоскворечья.

Н.Ф.: И как его имя-отчество было, не помните?

А.А.: Я не помню.

Н.Ф.: И что он очень рано как-то разошелся с...

А.А.: Он не расходился, нет. Он не разошелся, он имел смелость... наглость, с позиции власть предержащих, написать: «Ленину я доверяю». То есть он полагал, что может себе позволить кому-то не доверять из партийного руководства. Я думаю, что никаких особых формальных грехов за ним не было, но просто... начало 30-х уже, боролись не только с эсерами — я уж не говорю, с представителями

других партий или с меньшевиками, — но и с наиболее значимыми кадрами большевистскими. И он почти сразу после смерти Ленина был арестован. 25-й год... И буквально, как я понимаю, через несколько дней им сказали, что он умер. Это называлось «от сжатия желудка», как-то так.

Н.Ф.: Странно...

А.А.: Это настолько тривиально и обычно, нормальная судьба. Вспомним хотя бы Великую французскую революцию — все ее зачинщики оказались на гильотине, включая самого доктора Гильома.

Н.Ф.: Ну да. Просто интересно тоже как-то прикоснуться к этим...

А.А.: Но ее дальше не тронули, ее все-таки не тронули. Молодость, видимо (он-то ее был старше, конечно), во всяком случае, она больше никогда не была жената (*оговорка: замужем. — Ред.*), а кончила энергетический и дальше работала по своей профессиональной линии.

Н.Ф.: Понятно.

А.А.: Я много могу рассказывать. Я только самые краткие моменты о жизни в эвакуации.

” Сначала мы жили в каком-то шестиграннике: кафе, что ли, уличное — не помню. Помню только, что рассказывала мне бабушка, что я тяжело болел. Я плохо все помню, как через дымку: и что держали дома курочек двух, чтобы меня потом бульоном кормить...

Вот такие нюансы. Потом поселили: комнатка, естественно, одна в трех— или четырехсемейной квартире. На первом этаже мы жили, красного кирпичного здания дом, тоже старый, заводской...

Н.Ф.: Вы его помните, хотя вам было два или три годика?

А.А.: Ну почему? Мы уезжали-то из эвакуации, мне было пять лет.

Н.Ф.: А, когда уезжали из эвакуации обратно.

А.А.: Конечно. Но я первые годы не помню. Тем более я действительно помню что-то такое врачебно-халатное перед глазами. Говорят, что я тяжело болел, всяко-всяко у меня было... Но как ходили в детский сад, я прекрасно помню, как мы на улице играли зимой, прекрасно помню огородик под окнами. У всех, кто жил на первом этаже, были вскопаны огородики. Я прекрасно помню, что завод давал за Волгой землю — нарезали, и все, конечно, брали и сажали там картошку. Это было коллективно. От завода давали полуторку, все ехали к парому. Переезжали там, видимо, в пойме Волги. Я сейчас этих деталей геоморфологических не помню, но я помню, как взрослые копаются: бабушка с Аник, я тоже как-то пытаюсь помогать, но больше так — пребываю на природе, а потом все, довольные, обратно на пароме и на полуторке возвращаются. Какие-то такие штрихи помню... Очень хорошо помню сборы в дорогу.

Н.Ф.: Обратную?

А.А.: Да, у Лесиновых хранились так называемые «ковры», такие домотканые — как в армянской деревне, не холсты, а именно ковры. Но они не ворсовые, а типа половиков, с довольно сложным узором армянским. В них, в общем, все закладывали, зашивали суровой ниткой, делали такие большущие тюки. Ночью мы... Да, я хорошо это помню — это было уже в Москве — пролетки. На извозчике до вокзала, дальше уже не помню, наверное, устал и заснул. Но я прекрасно помню подъезд к Москве. Это надо себе представить, там же не пульмановские были вагоны, а такие коротенькие небольшие вагоны, хоть и дальнего следования, и деревом обитые полки... Мы сидим на этих полках, уже проснулись, убрали постели. Не помню, как было с простынями. Скорее всего, так как-то все лежали. Но очень хорошо помню: уже пошли подмосковные дачные места, и один дядечка в таком шлеме летчиковском, полувоенной форме: «А ты что в Москву везешь?» — я совершенно растерялся. Что я могу везти в Москву? Он говорит:

«А в Москву не пускают без гостинцев. Вот, видишь? — сказал он мне и показал бумажный пакет с пряниками. — Я везу пряники. А ты что везешь?» Я почему-то воспринял это на полном серьезе, и, хотя потом меня стали разубеждать, я испугался, я не понимал: то ли меня высадят, то ли... Вот эти моменты подъезда к Москве я хорошо довольно помню.

Мы сначала [заехали] к Лесиновым на Ордынку. Привыкши к каким-то довольно масштабным пространствам коридора в Куйбышеве, я прошагал мимо комнаты, потому что это была огромная генеральская квартира, а комнатка была двенадцать метров, и мне не пришло в голову, что в этом узеньком коридорчике вообще... *(Смеется.)* Но мне сказали, что нам сюда. Потом я к этому ко всему привык. Наверное, в тот же день, мы поехали на Никитскую, в Гранатный — к маме. Она нас там ждала. И хорошо помню, что мама приготовила к моему приезду винегрет.

Н.Ф.: А она приехала раньше, вернулась?

А.А.: Мама вернулась в 43-м. Почему я всегда говорю, что меня бабушки воспитывали, — потому что я маму в эвакуации не помню.

” Я очень хорошо помню из эвакуационной жизни, как нас вывозили на дачу, на Волгу, весь сад выезжал. И мы были с краю, а дальше был домотдыховский дом, в котором пионеры жили, и нам они казались... ну, как архангелы, как какие-то витязи — пионеры!

А еще дальше был дом отдыха (и это было известно — мы их иногда краем глаза видели) уже настоящих небожителей: военные там отдыхали, в том числе летчики, в своей блистательной форме. Тогда уже погоны были, тут кокарды, тут крылышки... Иногда нас вывозили к Волге, купаться, по расписанию — это я все помню. Там липы огромные на склоне стоят. Вообще это был высокий берег. Нас спускали вниз, мы там полоскались и видели иногда группу пионеров с галстуками. А уж летчиков только изредка, это ходили легенды: «Там военные, офицеры отдыхают. Летчики военные». Еще прекрасно помню, что на завод каждый день привозили пленных немцев полуторкой, и они там работали. И однажды мы шли с бабушкой — это, наверное, был конец недели. На мне был новый костюмчик, платочек носовой надушенный (как-то я любил это). Мы шли к бабушкиной подруге по библиотеке на шарикоподшипниковом заводе. Это заранее обсуждалось. Меня одели, и мы с бабушкой пошли. Улиц как таковых не было, это было мощное булыжником шоссе. Дальше забор завода начинался, а тут наше пространство дворов, казарм, где мы жили. А эта улица, как сказала одна замечательная... но это уже в Подмосковье, когда мы с Женей бродили, бабушку как-то спросили: «Как пройти?», а она говорит: «Сынок, вот тут по тропке через лес, а дальше начнется окювеченная дорога». И вот это была «окювеченная дорога», то есть булыжниковая мостовая и, грубо говоря, просто сточные канавы вдоль. Тротуаров, конечно, никаких не было. И через сточную канаву что-то вроде доски или шпалы перекинута — ну, чтобы не обходить, — и все по ней ходили. И, значит, картина: мы идем, нам надо выйти на эту вот «окювеченную» — эту булыжную мостовую, а на той стороне стоит полуторка с пленными немцами. И там особой охраны нет, ну, может, одиноко стоит с ружьем дядечка, который их охраняет. Они в своей немецкой форме военной, не в полосатой ни в какой — в обычной военной форме. И кстати, потом в Москве я их много наблюдал — они все в своей форме, им оставили, они в ней жили и работали. Сидят, им делать нечего, покуривают. То ли им еще рано слезать, то ли они ждут кого-то, чтобы уезжать. Бабушка говорит, давай, вроде, за руку, — в общем, что она меня подстрахует переходить эту канаву сточную. Я и тогда был упрям, и бабушка иногда в сердцах — правда чуть позже, когда мне было лет десять, — хотя она меня очень любила, но, не выдержав борьбы с моим упрямством, говорила: «Упрямый иша-ак!» Так, знаете, с таким выдохом армянским. Но я уже и тогда был упрямый иша-ак, и я, значит, сам должен был перейти. Я пошел по этой доске, или — не бревну, а вроде шпалы деревянной.

Короче, посередине канавы я упал с этого мостка. Вонючая сточная канава, я при полном параде, надушенный и начищенный. Но самое-то было трагичное, что эти немцы — им делать было нечего, — они дружно загоготали.

Н.Ф.: Это ужасно!

А.А.: Было, конечно, сорвано посещение, и бабушка на меня рассердилась... А для меня это была чудовищная обида, я это запомнил на всю жизнь. Вот, может быть, и все. Хотя там много было всяких интересных вещей. Посещение завода. Меня Анна иногда водила, потому что бабушка-то в библиотеке работала, что она могла? На заводе, на специальных дисках — как жернова, только с желобами. В них катаются шарики для будущих подшипников, калибруются таким образом. Термический цех и прочее. Все это имеет отношение к индустрии, в которой я мало что понимаю, и это, в общем, не слишком интересно. Обычный шарикоподшипниковый завод. Я помню очень хорошо огороды, деревья, и на меня произвели впечатление огромные липы на отвесном берегу Волги. Как-то это все немножко таинственно.

Н.Ф.: А что это за город?

А.А.: Куйбышев, но это не сам Куйбышев, а его окраина. Это скорее была окраина, потому что он прямо-то не выходит к Волге.

Н.Ф.: Да.

Возвращение в Москву

А.А.: Ну, вернулись мы в Москву... Вот для характеристики детей того времени: еще перед отъездом мне говорили, что мы будем жить в центре. Я интересовался: «А Сталина будет видно из окна?» — это мне даже по ночам, по-моему, снилось (на картинках я, наверное, видел зубчатые стены), что я смотрю в окно: зубчатые стены и почему-то это черно-белое все (потому что я реально-то не видел никогда ничего такого, только на картинках, и то в газетах, наверное, старых). И там чуть ли не сам Сталин! Это меня волновало, и я думаю, не меня одного. Приехали мы в Москву, поселились на Малой Никитской. Каждое воскресенье я ездил к бабушкам, поскольку там была ванна.

Тут ведь не было и ванны, в этом доме нашем в Гранатном, вообще ничего не было, и горячей воды не было, хотя мама нас мыла. Я прекрасно помню: топила камелек, ставила два стула, корыто, нагревалась на печке вода, и в этом корыте нас мыли.

В Москве больше всего меня потряс магазин на улице Горького тогдашней — на Тверской. Он располагался напротив Елисеевского, по диагонали. Большущий рыбный гастроном, я, по-моему, это уже говорил. Там были аквариумы, золотые рыбки плавали. Это кусок мира, в который ты можешь смотреть, и он существует вне связи с тобой. Кошка, собачка, это домашние животные — это все понятно; птички летают — они вне тебя и вне досягаемости. А вот аквариум — это и не домашняя, и в то же время не дикая природа. Это какая-то дикая природа, которая как бы доступна для созерцания, для общения. Меня тогда уже это потрясло, и более того, мне казалось, что это недостижимо. Потом я завел аквариум, тритонов, лягушек — это все было. А так: печка, дрова — это все привычно, керосинки, на которых готовили, как и в Куйбышеве. Потом детский сад в Зоологическом переулке. Пересекали Садовое кольцо (тогда совершенно пустое), новую территорию, которая не работала, хотя Остров зверей был — там, по-моему, кого-то и держали. Но доступ свободный. Натоптанная по диагонали тропинка в снегу —

и вот Зоологический переулок... Первые поездки с детским садом за город. Очень активно на меня действовала эта природная компонента: темная, черная, за городом, вода лесных торфяных озер, белокрыльник, совершенно непривычный для нормального городского мальчика, ну что там ромашки-гвоздики — а вот белокрыльник — это белое ушко изнутри... Или лилии, фантастический запах — особенно у белых лилий! Это все на меня очень сильное произвело впечатление.

В 48-м году — в школу у Никитских ворот. Я рассказывал, вроде бы, про школу. И поездки с дядьями, потомками Ермоловых: Юрием Борисовичем — Аллы Борисовны, одной из сестер Бориса Васильевича, сыном; с Надежды Васильевны сыном — тоже он был Юрий, он сохранил фамилию Ермолов (а Аллы Борисовны сын взял фамилию отца — Преображенский); а еще и с дедом. Но не только. Кстати, мама моя очень любила природу, и мы часто и много гуляли, по лесу маршруты совершали. Не каждый день, но регулярно. Особенно, конечно, ближе к осени, когда грибы начинались. Понятно, что грибы были, скорее, поводом. Но, во всяком случае, шесть-семь километров в один конец, до Жилино — это мы регулярно совершали. И эта регулярность, думаю, очень важна, потому что она обуславливала привычку к перемещению в лесу, ориентировку. Я потом это на себе познал, как важно техникой овладеть. Тогда ты можешь мир воспринимать и эмоционально: зрительно, духовно, запахами... Потому что пока для тебя это проблемы: переступить колоду, не заблудиться в лесу, тебя раздражают комары или кочки — это тебя поглощает, и ты основную компоненту пребывания в природе не воспринимаешь. Это особенно ярко потом выразилось, когда, уже будучи студентом, я освоил лыжи. У меня профессиональные, как я теперь говорю, лыжи. Когда я бегу на лыжах, я окружающий мир воспринимаю за счет техники: я энергию, конечно, трачу, но меня это не утомляет.

” Но и даже просто для прогулок по лесу нужен навык определенный, некий тренинг. Тогда вы природу воспринимаете: и капли видите на елках после дождя, и на манжетке эти капельки, и гриб замечаете, начинаете слышать.

У меня слух плохой, поэтому слушать я начал только уже в КЮБЗе, когда специально нас обучали разбираться и понимать, и слышать лес, в том числе цыканье землероек в траве. Все равно маме в этом смысле я очень обязан. А уже когда дед, когда ружье, когда ночные переходы, чуть ли не в три утра вставать, чтобы попасть на зарю на Московском море с Юрием, или в Заболотском охотхозяйстве с дедом — там тоже до рассвета, конечно, выезжали. И это все — когда раз за разом повторяется — уже у тебя входит в кровь, сам процесс посещения природы для тебя не составляет труда и новизны, механизм передвижения, перемещения в природе — будь то на лодке, ногами, на машине или на велосипеде — и тогда у тебя открывается возможность воспринимать ее и как некую духовную огромную компоненту, кладезь окружающего тебя мира... Может, я тогда уже ближе к биологии, а потом, если что-то буду вспоминать, тогда...

Об увлечении биологией

Н.Ф.: Да, конечно.

А.А.: Я только хочу сказать, что ко мне хорошо относились ребята, в общем, совершенно нормальные были взаимоотношения с друзьями. Школьный друг Славка Малахов — такой, знаете, штатный хулиган у нас был в классе — как-то меня привел домой, и у него стояли настоящие (очень маленькие, но настоящие!) аквариумы, подсвечивались лампочкой, в них жили меченосцы. Я просто ахнул, потому что хотя у меня жили какие-то тритончики, лягушки, воробьиные птенцы, но что самому можно завести аквариум — мне даже в голову не приходило! И это меня сподвигло, я тоже потом завел аквариум, то есть вот это очень большую роль сыграло.

Я благодарен школе, я это говорил: что Сталину удалось... ну, может, не лично Сталину, но, я думаю, не без

его одобрения была возрождена гимназическая система образования; нас, как известно, отделили от девочек. Но я с девочками и не учился: по-моему, в 46-м произошло разделение. Во всяком случае, когда я пошел в школу в 48-м, мы учились раздельно. И так до седьмого класса. Потом, уже Сталина давно не стало, более того, стали разворачивать лодку государства в другую сторону, и начались преобразования школьные, которые, к сожалению, тянутся и до сих пор. В том числе сначала объединили с девочками, потом отменили форму, а самое главное — стали нарезать: то по одному принципу объединяли детей в школу, то по другому. Из-за этого я два или три после седьмого класса менял школьные здания и, таким образом, коллектив. Первый раз вместе с классом перевели в другую школу. Потом, уже в седьмом классе, у нас вели уроки методисты из пединститута и студенты, нам устраивали вскрытие лягушки, вот такие вот вещи, чего, конечно, рядовым школьникам, обычно не делают. И меня это очень захватило и захватило моего приятеля из параллельного класса — Славу Ермохина. В восьмом классе, как бы вне рамок занятий, поэтому это называлось биологический кружок, студенты два-три занятия проводили. И в восьмом классе, когда очередная пришла к нам практика, мы прямо сразу со Славой, поскольку мы вдвоем с ним были активисты этого биологического кружка, сказали: «Сделайте нам кружок». И нашлась умная студентка (не помню, как ее звали), которая сказала: «А чего, собственно, вам кружок? У вас же зоопарк под боком». На новой территории зоопарка к тому времени — это уже 55 — 56-й год — был уже забор, билеты, уже там все работало, было восстановлено его функционирование, функционирование новой территории. Я знал, что там есть кружок, надпись «КЮБЗ» на эмалированной табличке знал. Но я знал, что там всегда висит табличка «Посторонним вход воспрещен». И мы со Славой — он был поактивнее всегда — решили пойти. Я не помню, может быть, это даже была среда, а не воскресенье, но наступил такой день, когда мы со Славой Мухиным, набравшись храбрости, естественно, перелезли через забор — нам не приходило в голову брать билеты возле планетария, там можно было легко перелезть. Мы пришли в этот самый КЮБЗ, открыли калитку с надписью «Посторонним вход воспрещен» (это на новой территории был домик, сейчас его снесли, так называемый жирафятник).

Н.Ф.: На новой территории? Я помню, такой зеленый домик был на старой территории где-то.

А.А.: Нет-нет. На новой, точно. После войны — на новой. На старой был потом так называемый «Лекторий» — между прудами. Но это был официально лекторий — потом туда переместили КЮБЗ. А это было на новой территории: между Островом зверей и тем аппендиксом, который тянется к планетарию посередине, но ближе к Острову зверей.

Мы пришли, было, по-видимому, собрание, вернее оно уже кончилось. Там толкалось много народу, тогда для нас совершенно незнакомых и анонимных. Мы сказали, что хотели бы заниматься в кружке. Нам сказали: «Берите анкеты, заполняйте, приносите дневники, после этого сможете взять тему литературного доклада и готовить». Объяснили, как это все: через месяц должны представить, сказали, что проводится опрос, вопросы задают, и ребята сами решают, принять вас или не принять. Ухо мое уловило, что ребята обсуждают — а это был конец апреля — поездку за город.

” И меня потрясло, как ребята обсуждали это — как-то по-деловому. И я понимал, что они едут с ночевкой: там звучали слова «костер», «топор». Меня это совершенно потрясло.

Я уже говорил, что ко мне хорошо относились ребята в классе, но, так сказать, образ моей жизни: рыбалки, охоты, поездки за город, ночные переходы — это было никому не интересно, и в этом смысле я был не изгой, но некий марсианин, что ли, для них. Как-то меня мало занимал футбол, такие всякие вещи. А тут я почувствовал, что эти люди — им близко то, чем я, второй своей жизнью по отношению к школе, живу. Я таких шагов в жизни делал, может быть, один-два за всю жизнь. Я, в общем-то, робкий всегда был, но тут набрался храбрости, набрал, как говорится, воздуха в легкие и произнес, как потом оказалось, решающую фразу: «А можно мы поедем с вами?» Причем из разговора совершенно было понятно: они только междометиями говорили, потому что очень хорошо друг друга знали, — что это тесный

сплоченный коллектив, понимающий друг друга без слов. И я — вы извините, я всегда волнуюсь, поэтому у меня голос дрожит — я ожидал услышать, что обычно отвечают посторонним людям, когда они пытаются втюриться. Тем более мальчики в каком-нибудь Доме пионеров, в кружке авиаторов... я думал, меня сейчас спросят: «А где твой дневник? Как ты вообще учишься? А пустят ли тебя родители?» — что угодно или и то, и другое, и третье. Прежде всего постараются отфутболить, во-первых. А во-вторых, отфутболить стандартными методами. И что я услышал в ответ? «А у вас сапоги есть?» (Смеются.)

Н.Ф.: Они были не у всех в то время.

А.А.: Дело даже не в этом. Слава еще не очень, а я-то прекрасно понимал, что... Я был готов хоть в тапочках ехать, если мне скажут, что надо ехать в тапочках. Но я прекрасно понимал, что для весеннего леса, для — я уже о ней говорил — для тяги, для грязи весенней решающим являются сапоги. Что было дальше: не дожидаясь ответа (они как будто забыли про нас), но они в двух-трех словах стали обсуждать, где можно достать нам сапоги. То есть, понимаете, они не просто готовы были нас принять...

Н.Ф.: Позаботиться о вас...

А.А.: ...но они готовы были решить эту проблему.

Н.Ф.: Но у вас-то были сапоги.

А.А.: Да нет! Я, конечно, замахал руками, что у меня есть сапоги, если у Славы нет — я найду. Но они были готовы найти для нас. То есть, понимаете, вот этого нельзя забыть, это круциальный момент моей биографии.

Вступление в КЮБЗ. Кюбзовский фольклор

Н.Ф.: Так сразу были приняты?

А.А.: Сразу. Это как у военных самолетов: свой-чужой, свой-чужой...

Н.Ф.: Да-да, точно.

А.А.: Они как бы ответили... вернее, на мой испуг они ответили: «Ты наш».

Н.Ф.: Здорово! А скажите, пожалуйста, я не знаю — я же не кюбзовец. Там же есть традиция, что нужно написать доклад, чтобы стать членом КЮБЗа.

А.А.: Они готовы были нас взять без доклада, понимаете? Они ничего [больше не сказали] ни про доклад, ни про дневник, ни про разрешение родителей. Потом, правда, когда уже вроде было ясно, что они нас берут, что сапогами они нас готовы обеспечить... Ну, мол, а как родители? Во всяком случае, ни дневников, ни формальных параметров с нас никто не спрашивал. А дальше уже...

Н.Ф.: А кто это были?

А.А.: Я прекрасно помню: это был Сарычковский Генька, это был Леня Баскин, Эрик Ивантер, братья Росницины, Гена Глузский... Ну, наверное, кто-то был еще. Но это персоны, которых я очень хорошо помню.

Н.Ф.: Которые искали вам сапоги.

А.А.: Да-да-да... Нет. Там ведь домик разделялся как бы пополам. В одной комнате шло заседание. Обычно там стоял стол. Там или играли в «пятак», или заседали: юннаты сидели вокруг стола и допрашивали кого-нибудь, кого собирались принимать, заслушивали доклады, вывешивали графики, если они были, и так далее. А первая половина — когда заходишь с улицы — тоже была разделена: ближе к большой комнате руководитель сидел, там всякие хранились документы, папки, архив и так далее — это комнатка буквально

три на три метра. А в первой, куда ты входил, просто стояла печка, которую топили, потому что никакого отопления не было. Ее топили, чтобы не замерзнуть, на ней подогревали иногда, — потому что какие-то были клетки, несколько небольших клеток, подкормить... Конечно, народ, как всегда — это на любом симпозиуме вы можете видеть — не в залах заседаний толчется, а там, где можно поговорить; то есть в этой вот первой комнате при входе — комнате, из которой дверь прямо на улицу открывается. Комната, где стояла печка. Там стояли весы для развески кормов, пара клеточек с какими-нибудь птичками или хомячками. Там-то весь народ и кучковался: покуривали, иногда какое-нибудь мясо жарили.

” Был такой вариант источника мяса: когда мы ловили живых птиц (воробьев, например) в соболиный ряд, а мясо — несколько кусочков им полагалось — жарили на сковородке, и кюбзовцы его едали.

Так что эта печка иногда использовалась что-то на ней готовить: каши сварить для зверей, овес или овсянку. Вот это как бы и все. Потому что дальше моя жизнь пошла (да и Славина) по очень твердому и надежному пути. Нет, еще одну сцену сейчас расскажу. Таковую: мы собирались, выезд состоялся на Истру (это апрель-майский выезд), трехдневный. Нам дали указания: собираемся на платформе Рижская, во столько-то часов. Мы пришли со Славой.

Н.Ф.: Это тот самый первый выезд?

А.А.: Да, это важно. Мы пришли, там уже собрался народ, погрузились в поезд. Я, еще незнакомый с традициями, спросил: «А где и когда мы будем покупать билет?» Мне сказали: «Садись и нечего». Почему-то в КЮБЗе тогда была традиция (не знаю, сохраняется ли она и теперь) ездить только без билета. Об этом я еще скажу. Там был один важный очень момент — этот безбилетный проезд, точнее, мы могли покупать билет, когда с Варварой Ивановной сотрудничали. А тут сели и поехали. Вечерний поезд, паровик, конечно, никаких тогда еще электричек не было, обычный вагончик, как в фильмах показывают послереволюционных.

Н.Ф.: Они зеленые все были.

А.А.: Зеленые, а изнутри обитые деревом, коротенькие такие вагоны. Что у них было приятного для нас? Они были не рассчитаны на высокие платформы, там были и ступеньки, и поручни. И там можно было сидеть на ступеньках и болтать ногами в пространстве, а мимо тебя проносились поля и леса.

Н.Ф.: С открытыми дверями?

А.А.: Да-да, конечно, именно, там так было сделано, что двери на щелчок закрывались, а ступеньки начинались не от края вагона, а как бы изнутри и вниз. Вот мы сидели и болтали ногами, поручни длинные, и мы на любом уровне ступенек могли так держаться. Что меня потрясло — я впервые услышал песни.

Н.Ф.: А какой это был год?

А.А.: Это я точно могу сказать, это был 56-й год.

Н.Ф.: Весна 56-го года, как интересно!

А.А.: Значит, как это теперь называется: не неформальная... авторская песня! Но тут есть нюанс. Дело в том, что пели все: и туристические группы, и юннатские группы — все пели, но туристические пели, в основном, авторскую песню. Тогда еще не было Окуджавы, но, в общем, такого плана песни. Кюбзовцы пели и «Бригантину», и «Глобус крутится-вертится...» — это, в общем, «Глобус» студентов московских, но две трети песен составляли, как я теперь или уже довольно [поздно] понял, составляли песни кюбзовцев довоенных.

А довоенные кюбзовцы пели песни агентов, то есть предтечей кюбза в зоопарке. Это были всякие «Бублички» и «Соловей-соловей», там насчет могилки... — то есть это были песни беспризорников 20-х годов.

Н.Ф.: Угу. Почему «агентов»? Почему вы их назвали...

А.А.: Потому что КЮБЗ создавался на базе, не знаю как это сказать, корпуса агентов. При зоопарке были агенты, которые ездили по городам и весям и поставляли зверей. Они потом и составили костяк штата КЮБЗа. И одна из песен — там просто он и фигурирует, этот персонаж, как агент: «Огонь свечи горит неровно, в вагоне все давно уж спят. Вагон несется на полном ходе, колеса жалобно стучат. Один агент, что всех моложе, повесил голову на грудь — в тоске по родине далекой не спит, не может он уснуть». Что-то там: «Мама, мама дорогая, зачем на свет произвела? Иль зоопарком народила? И должность агента дала». То есть это уже вторая половина 50-х. И «Цыц, вы, шкеты, под вагоны, не то кондуктор снимет вас...» — это все песни агентов и беспризорников 1920-х годов. Меня все это потрясло: я не знаю, что больше — «Флибустьеры», «Бригантина поднимает паруса...», или «Глобус крутится-вертится...», или «Цыц, вы, шкеты, под вагоны...», но, понимаете, надо сказать...

Н.Ф.: А что это за песня «Цыц, вы, шкеты...»? Я ее и не слышал.

А.А.: Ну, что вы! Ее, по-моему, даже в фильме про беспризорников, про макаренковских...

Н.Ф.: Ну да, знаменитый фильм.

А.А.: «Цыц, вы, шкеты, под вагоны, вмиг кондуктор снимет вас. Ходом мчится скорый поезд прямо в Крым через Донбасс, а впереди в вагоне мягком едет с дочкою нэпман. Как бы нам на полустанке разделить его карман? Свисток! Садись, браток, на ось. Повезет нас быстрее паровоз. Мы без дома, без жилья — мы шатя беспризорная. Эх, судьба ты моя, судьба, словно карта черная!» Знаете, просто тут не надо ничего домысливать.

Н.Ф.: Да, тут сказано все.

А.А.: Нет, я имею в виду — мне, современнику, не надо домысливать, знай он слова. Современное поколение этого не представляет, но я хорошо помню, как в 50-е годы, когда я с дядями на охоту ездил, по вагонам ходили инвалиды послевоенные без рук, без ног и пели как бы в виде заработка. И там тоже была масса такого трагического надрыва: «Пуля просвистела...» какое-нибудь там, что-то там: «Сын убил отца», потому что: «Полковник храбро защищался, разбойник смело нападал. И в сердце раненный полковник, что-то, замертво упал. И, наклонившись над часами, отца родного он узнал...» Вот эти все. Сейчас это в индийских фильмах. Ну, не сейчас, а в 60-е. Вот это эпос такой, он был пронизан всем этим. В сущности — трагизм, хотя, конечно, там и мелодрамы было сколько хотите. С современных позиций можно над этим и посмеиваться, теперь бы мы только так, с иронией это бы восприняли. Но тогда это все звучало на полном серьезе в вагонах поездов, и этот элемент хорошо был выражен... В том числе, например, пели и песню, которая звучала... была замечательная передача «Клуб знаменитых капитанов» — на радио, телевизоров же не было, а были картонные тарелки. И вот каждую неделю звучала эта передача, я ее, конечно, с огромным интересом слушал. Это был клуб, в составе которого были: Тартарен из Тараскона, капитан Немо, капитан Гаттерас и еще какие-то капитаны, я этого не помню, — ну, какой-нибудь из жюль-верновских героев, Пятнадцатилетний капитан. Они сходили с книжных полок, и с ними всякие были приключения. Хорошая очень была передача и музыка. И в том числе там была песня, которую кюбзовцы пели: «Летит полночный дилижанс, с дороги уходи! Летит полночный дилижанс, что-то там впереди». Об этом много можно говорить, я пока прервусь. Если я вспомню еще про песни, я еще потом могу сказать, потому что кюбзовцы много сами сочиняли, и есть очень забавные песни. У меня нет слуха, но я даже могу их пытаться напеть. В частности, автором некоторых песен был Гена Глузский. А некоторых — Наташа Мартынова, мама современного директора Зоологического музея.

Н.Ф.: Калякина Наталья Михайловна.

А.А.: Да-да-да. В частности: «Чье-то небритое рыло с полки глядит на народ. В страхе дрожат пассажиры, видя разинутый рот. То не Батыя набеги и не налет саранчи — мирные кюбзовцы едут, чтобы зверей изучить. Кто-то ломает скамейки, импровизирует джаз...» и так далее. А припев: «Эх, паровоз-паровоз, стук... колес. Пусть же колеса стучат, поезд увозит ребят!» Так что были и такие уже, в общем, современные, но треть составляли эти вот...

Н.Ф.: Это Наталья Михайловна сочинила?!

А.А.: И не только это. Она вообще стихи сочиняла и, в частности, песни. «А ну-ка, народ, веселей на кобылу...» — это на мотив известного «Стрелка»: «Держите, кто может! Товарищ, ты длинный, ты прыгай подальше, а мы будем сзади висеть. Тебя милее нет, кобыла! Кобыла, ты — сила, кобыла, держись веселей! Двинешь по рылу ножкою мило, жизнь сразу станет иной...» На треть это были беспризорнические песни 20-х годов, на треть — авторская студенческая песня, в том числе «Глобус», «Флибустьеры» и так далее. И на треть что-то кюбзовцы сами сочинили.

Все-таки я продолжу, для меня круциальный момент этого выезда. Мы приехали в полной, понятно, темноте.

Н.Ф.: А мама вас легко отпустила?

А.А.: Да, поскольку...

Н.Ф.: Но все-таки она спросила, наверное: без руководителя, с какими-то незнакомыми ребятами...

А.А.: Я думаю, что не спрашивала. Я ей рассказал про КЮБЗ что-то такое, и тяга моя к биологии, и я же все-таки много с дядьями уезжал с ночи — это для нее, в общем, было привычно.

Н.Ф.: Все-таки удивительное было доверие родителей, в общем-то, к незнакомому предприятию. Я то время немножечко застал, позже, чем вы. Было бы страшно неприлично, если бы ваша мама пришла выяснять. Но сейчас это в порядке вещей, что родители придут выяснять: а что за дети поедут, с кем я отпускаю своего сына? А тогда у родителей не возникало такого желания...

А.А.: Нет, не возникало. Однажды за какой-то девочкой на вокзал пришла мама ее проводить, посмотреть, с кем дочка едет. Но это в кюбзовский эпос, даже в легенды вошло!

Н.Ф.: Да. Страшный позор!

А.А.: Нет, не позор, но она увидела Диму Гудкова и сказала: «Ну, этому молодому человеку, конечно, можно доверять». Это, скорее, было как легенда не столько об этой девочке, Лене Александровой или ком-то еще, сколько до чего Дима... Что один раз мама, на него взглянув, поняла, что Диме можно доверять. И это сохранялось в кюбзовском эпосе до сего дня... Ну, и мы пошли. Ночная дорога, километров восемнадцать.

Н.Ф.: То есть вы с вечера заезжали?

А.А.: Обязательно, да. И там предстояли ночевки, чем еще меня это захватило и казалось очень интересным.

Н.Ф.: А это была весна.

А.А.: Была весна.

Н.Ф.: То есть уже снег сошел?

А.А.: Снег сошел. Самая распутица, самая грязь, самая ранняя весна.

И надо себе представить картину: ночь, нам надо было пройти километров восемнадцать до плотины Истринского водохранилища, от станции Истра мимо Новоиерусалимского монастыря, спуститься в долину и дальше пѣхать, пѣхать, пѣхать...

И мы пошли, идем в ночи. Ночь ранней весны. Но уже поскольку часть птиц прилетела уже, ночь напоена звуками: то цыкнет лесная мышь, летучая мышь, особенно когда у Новоиерусалимского монастыря — там же пруды внизу, поскольку это излучина реки... То цыкнет летучая мышь, то где-то чибис — не спится ему. Уже они прилетели, ночные птицы.

Н.Ф.: Но темно совсем, фонариков не было.

А.А.: Нет. Я и до сих пор не пользуюсь фонариками никогда. Фонари мешают. Когда вы лагерь ставите, найти ножик или еще чего-то — да, а так они только мешают.

Идем спокойно себе. Причем ребята — это стало понятно — видятся-то не каждый день. На дежурствах они в зоопарке видятся, на докладах, на поездках, а так-то каждый в своей школе учится, в своем районе Москвы. Но поскольку их всех связывает общая кюбзовская жизнь, с одной стороны, то есть наблюдения, работа, с другой стороны — какие-то общие тоже дела: и организационные, и человеческие, дружба всякая, — то они идут группками и между собой общаются. Причем группки не замкнутые, они как бы перетекают: кто-то из одной группки иногда подходит к другой. И нас что-то тоже спрашивают, но, в общем, логично, поскольку все группки между собой замкнуты, что мы оказались со Славой как бы сами по себе, ну, идем-идем по дороге... В общем, любимые мои и привычные для меня ночные походы-переходы. Я еще птиц не знал, а ребята комментировали: «Ага, это чибис прокричал, там, может быть, гуси протянули», — немного, но какие-то звуки комментируют. И вот мы идем-идем, идем-идем, идем-идем, давно уже идем, может быть, час, второй, и среди этих шорохов и звуков ночных я слышу — птица какая-то свистит. Идем дальше. Мы идем, и вдруг свист: «Фиу-фиу», — свистят какие-то птицы, кто-то пролетит, кулики, конечно, ночью кричат-посвистывают, перевозчики. А мы как-то невольно вырвались вперед. Со Славой нам что обсуждать — мы в одной школе учимся, хоть и в разных классах, поэтому идем и идем себе, дистанционно от основной массы ребят. Сзади группа основная идет. Потом как-то эти посвисты все ближе, ближе, ближе, ближе... И вдруг такой же посвист раздался сзади. И они начали пересвистываться, то есть мы оказались в центре этого пересвиста. И уже мы видим: навстречу нам идут, подавая этот свист-сигнал, две или три фигуры. И мы невольно оказались в центре этого слияния. Какая-то очень простая, очень сдержанная и в то же время очень теплая встреча. Оказалось, что это кюбзовцы, которые выехали заранее, договорились с местной деревенской школой, где мы должны жить эти три дня, и они идут нас ночью встречать. Это был второй момент, который меня после резиновых сапог...

Н.Ф.: Такая взаимовыручка.

А.А.: Не только.

Н.Ф.: Ответственность тоже.

А.А.: Да, ответственность. И в то же время, понимаете, на фоне предельной простоты...

Н.Ф.: Без пафоса это все.

А.А.: Абсолютно без вычурности и без пафоса — вот такая конструктивная реализация бытия. Я по-другому это не могу сформулировать. Причем в этих группах, когда мы идем, обсуждали кто книги прочитанные, кто локомоцию жука, строение надкрыльев жука. Такая мешанина из совершенно непривычной сферы и круга человеческих интересов, непривычной для меня, для нас со Славой. А дальше уже все, потому что мы пришли в эту ночную школу. Никаких спальников никто, конечно, с собой не носил. Телогреечки или одеяльца постелили как всегда в таких группах, объединяются все продукты, и дальше началась,

за одним маленьким исключением, обычная уже кюбзовская жизнь, мы в нее полностью включились.

Ранним утром на следующий день разбились по маленьким группам, нас со Славой объединили с группой Леня Баскин и Сарычковский Генька, и мы вчетвером, по-моему, все три дня — а может быть, на второй-третий день мы как-то поменялись — мы бродили по лесам, по прибрежной зоне Истринского водохранилища, слушали, наблюдали тетеревов, распускающуюся иву, золотые шары, цветущие ивы. Нашли, наверное, еще с осени погибшего и растерзанного лося — лосиную ногу (целое сочленение), таскали ее целый день и притащили. Потом она легла в кюбзовскую коллекцию. Леня говорит: «Вот гнездо, давайте посмотрим». Младшие — Слава или я — лезли на деревья, смотрели, что за гнезда. Иногда диктовали диаметр, лоток, чем выложено. И Леня мудро так говорил: «Это, по-видимому, дрозда», — или, ну я не знаю, не помню сейчас, дрозда обычно. Не сорочьих, никаких тонких пеночек, но, по-моему, нашли одно гнездо зяблика... В общем, мы до конца и полностью окунулись в кюбзовскую жизнь.

Эта нога имела одно следствие: по кюбзовской традиции состоялись такие как бы крестины, которые выражались в том, что нас как бы судили. Меня судили за то, что у меня усы, а Славу — за то, что он, наверное, съел того лося, ногу которого принес. Наказанием служило: ставились три стула и накрывались одеялом, рядом садились два стражника. Можете себе представить: Эрнест Викторович Ивантер в виде судьи с его способностью к витиеватым монологам. Все это разыгрывалось долго.

” Секретарь говорит: «Встать, суд идет!» Вас присуждали уже не помню к чему. В это время — а вы не замечали, — средний стул вынимали, и когда вы садились между двух стульев на одеяло, то падали, и все весело смеялись.

Тут, конечно, гвоздем было это вот словесное препирательство защиты, судьи и прокурора, придуманная вина и так далее.

Три дня, проведенных в подмосковном лесу, — это всегда благо. И то тоже было благо, но оно было еще и открытием для меня (да и для Славы) абсолютно нового мира. Нового по логике, по кругу интересов, по взаимоотношению между людьми. И мне и Славе, по-моему, стало очевидно: я вернулся туда, где никогда не был, попал в мир, из которого я вышел. Не знаю, насколько я ясно излагаю...

Н.Ф.: Понятно-понятно.

А.А.: Вы легко это понимаете, но для тех, кто будет читать эти слова...

Работа в КЮБЗе

Н.Ф.: Понятно, вы таких вдруг нашли... единомышленников.

А.А.: Я нашел себя, свое место в этом мире. А дальше все уже было, как я уже сказал, с предельной простотой. Я подготовил доклад. Я, конечно, прекрасно помню мой доклад — это был доклад по калану. Я поднял всю литературу, и калан до сих пор является моим любимым зверем. Много лет спустя мне удалось в океанариуме, кажется, Токио, посмотреть их вживе. Причем в огромном прекрасном океанариуме, где вы смотрите на них из-за стекла. Естественно, я все прочитал про калана, что можно было. Была специальная охотоведческая большая монография, до войны еще выпущенная, и всякую литературу я поднял. В общем, через месяц уже я сделал этот доклад, получил тему по зоопарку — это были белки. Я наблюдал за белками, но уже на следующий год, потому что...

Н.Ф.: А доклад был еще этой весной?

А.А.: Да, еще этой весной. Но дело в том, что меня подключили к так называемым грачиным учетам,

о которых я должен отдельно сказать. Именно на грачиных учетах я встретился с Евгенией Васильевной Карасевой. Я уже был парень деловой-боевой, мы ехали на очередные учеты и, по-моему, тогда еще Варвара Ивановна в этой поездке с нами была. Во всяком случае, она меня спросила, не хочу ли я поехать в настоящую экспедицию. Я той весной впервые услышал «Глобус крутится-вертится...» — и «Кто был в экспедиции, тот поет этот гимн...», а тут мне в экспедицию предлагают ехать. Я, конечно, сказал — я не мог обмануть Евгению Васильевну — я сказал, что я вроде еще не настоящий кюбзовец, меня только приняли, а она ответила: «О чем речь, если ты согласен». И только и спросила, пустят ли меня родители. Я сказал: «Конечно, пустят». Ну и дальше состоялись недолгие переговоры. Мама, наверное, ездила к Евгении Васильевне. Слава богу, мы все жили рядом: Евгения Васильевна жила... как она называется? У Христа Спасителя эта улица, не Метростроевская, а одна из них Метростроевская...

Н.Ф.: Метростроевская, Кропоткинская, Пречистенка, Остоженка.

А.А.: Она, наверное, на Пречистенке жила, потому что ближе к Москве-реке. В общем, первый переулок, который идет от Пречистенки к Москве-реке, большой угловой дом, тоже старинный, как на Ордынке, XIX века, великолепный, огромные потолки четыре с половиной метра. И мама туда ходила, мне кажется, побывала у нее. Но это уже другая история. Я бы про Карасеву и про начало моей студенческой жизни потом, а мне бы хотелось вернуться к...

Н.Ф.: А куда вы ездили с Евгенией Васильевной?

А.А.: Это был Алтай, причем это был лептоспирозный очаг, недалеко от столицы — Горно-Алтайска. Кызыл-Озек — большое село, но там, среди студентов, Наташа Акулова и Аня Герон — представляете, в какой компании! Обе кюбзовки...

Н.Ф.: Они студентки были?

А.А.: Они были студентки, но они были уже такими какими оставались всю жизнь. Аня, которая обожала свою собаку Нюрку, у которой все жило в руках живьем, а Наташа — такая вся организованная, на ней лежала главная ответственность. Там была еще одна девочка, студентка географического факультета. И там была такая Ариадна Алексеевна...

Н.Ф.: А вы единственный школьник?

А.А.: А я единственный школьник. Но зоологов там, таким образом, исполнителей было четыре.

Н.Ф.: Интересно, а там был энцефалитный очаг, ведь наверняка был?

А.А.: Нет-нет, мы работали тогда еще на лептоспирозе.

Н.Ф.: А энцефалита там не было? Вам прививок не нужно было делать?

А.А.: Я не помню, но вряд ли я делал прививки, и Карасева со мной энцефалитом никогда не занималась. Это я был потом в энцефалитном очаге — у Шилова я работал.

Н.Ф.: Да-да, понятно.

А.А.: Ну, я как-нибудь отдельно об этом расскажу, потому что, понимаете, мне кажется очень важно рассказать не только про себя, но и про отечество, поэтому я бы хотел обратить наше общее внимание на грачиные учеты. Дело в том, что среди всех...

Н.Ф.: Это было той же весной, когда вы поступили, 58-го года.

А.А.: Нет, 56-й.

Н.Ф.: В ту весну 56-го, когда вы поступили.

А.А.: Да, Карасева предложила поехать на Алтай. Я поехал.

Н.Ф.: На грачином учете.

А.А.: Да, на весеннем грачином учете. Это очень важный этап в жизни КЮБЗа, страны и меня лично, поэтому я хочу об этом для потомков рассказать.

Н.Ф.: Да-да, конечно.

А.А.: Среди самых разнообразных чудачеств, которые происходили в эпоху правления Никиты Сергеевича [Хрущева], была знаменитая и хорошо известная эпопея кукурузы. Никита Сергеевич пытался вплоть до Ленинградской области, и даже Архангельской, сажать кукурузу. Культура эта не шла, она и теперь не идет, зерновой культуры получить не удастся на широте Москвы. Тем не менее по распоряжению ЦК КПСС всюду сажали кукурузу, в том числе и в Подмосковье. А в ее низком урожае, среди прочего, председатели колхозов обвиняли грачей, которые-де, как только кукурузу посадят, ее выдергивают, и из-за такие плохие посева. Кафедрой зоологии позвоночных была начата работа, которую возглавляла Варвара Ивановна Осмоловская, по выработке научного подхода к этому вопросу: вредят грачи кукурузе или нет?

Варвара Ивановна (уж не знаю, где она ее взяла) получила доступ к трехверстке — старой российской карте, делала с них (не знаю, она ли лично), но всем участникам выдавались маршруты, на кальке скопированные с трехверстки, с указанием дорог и названием деревень. Участники учетов должны были по этому листочку все деревни обойти и, если там есть грачовники, это записать, мало того, посчитать, — сколь вы можете, конкретно и точно сейчас посчитать, стоя у этого села, у этого грачовника — посчитать количество гнезд. Забегая вперед скажу, что Варвара Ивановна, конечно, не отделалась только такими учетами, она наладила связь с охотхозяйствами, с охотниками, они вели отстрел грачей и в формалин клали желудки и лапки. Лапки — поскольку по лапкам можно точно определить: ворона или грач. А желудки потом разбирались. И в конце концов было несколько статей и серьезный анализ этой работы. В статьях были даны карты по результатам этих учетов и показана взаимосвязь урожайности кукурузы и распределения грачовников не только на территории Московской области, но и прилежащих регионов — центра Среднерусской равнины. Это специальная профессиональная тема, ее можно отдельно обсуждать.

Я там участвовал как рядовой исполнитель, но я бы хотел подчеркнуть, что мне принесла эта работа, потому что после того весеннего и еще пары выездов мы потом еще зимой ездили, на следующий год. Во-первых, Варвара Ивановна оплачивала нам билеты, и впервые в жизни, уже в юннатской кюбзовской жизни, мы ехали не зайцами, а нам оплачивали нашу работу юных биологов. Это очень действовало психологически, поднимало такую самооценку и самое главное — самоосознание своей профессии: что в рамках биологии можно не просто рыбок наблюдать, не просто птенцов выхаживать, не просто в виде разрешения кормить зоопарковских песцов или белок, а вот ты делаешь нечто, за что тебе некто платит. Понятно, что Варвара Ивановна платила не из своего кармана, этот некто — факультет, университет, государство.

Н.Ф.: Она платила еще или только билеты?

А.А.: Нет, билеты. Билеты оплачивались, это был очень сильный момент в моей биографии. Первая, можно сказать, если не зарплата, то оплата...

Н.Ф.: Труда.

А.А.: ...труда юного биолога. И вторая. Как юннаты, потом, уже следующей зимой, мы много ходили по Подмосковью, а до того с дядьями. Но это обычно были походы в леса, в луга, на берега водоемов, Московского моря, по Икше, по Яузе, с удочкой, со спиннингом, с ружьем. А тут мы ходили по дорогам, от деревни к деревне. И это же был самый раззор послевоенный. И мы увидели сожженные деревни; деревни, которых нет на картах; деревни, вместо которых одни печные трубы. Мы это знаем по фильмам. Хроники военные — мы это знали, мы это могли прочитать. Но когда ты сам это все видишь, и эти без электричества деревни... Мы знали, что все это есть. Но одно дело знать, а другое — погрузится в это. Когда ты стучишься уже в темноте в избу, а тебе боятся открыть: «Иди сынок туда, там мужики есть в избе, туда постучись, спроси дорогу». Ни огонька же, ничего, в лучшем случае — свечкой подсвеченное окно. Повторяю: иногда, когда приходишь на этой... крохах этих есть деревня, а на месте ее нет,

или ты спрашиваешь: «Как пройти?..» — «Сынок, да уж нет этой деревни, ты туда можешь и не ходить». Иногда ходили проверить, есть ли там грачевник. Это кусок очень сильного впечатления послевоенной центральной России...

Н.Ф.: Сколько раз вы в такие поездки ездили?

А.А.: Я не помню. Может быть, пять-десять таких маршрутов на моем счету... Потому что всю следующую зиму потом...

Н.Ф.: Две или три фотографии у меня есть, где как раз Евгения Васильевна, мама моя и кюбзовцы, но я не знаю, кто там из кюбзовцев.

А.А.: Если дадите, я, может быть, кого-то и опознаю.

Н.Ф.: Мне кто-то называл, но я не запомнил.

А.А.: ...потому что потом уже мы выезжали, вчетвером-впятером, в одном направлении, но уже без Варвары Ивановны, мы сами: мы — уже зрелые кюбзовцы, на нас ответственность. Мы подавали отчеты Варваре Ивановне — это приучало к ведению дневника, к отчетности, это хорошая была школа, даже чисто как для биолога.

Причем были и курьезные случаи. Где-то под Бронницами мы разошлись попарно и потом должны были сойтись, а вторая пара не приходит. Мы их так и не дождались. Подняли тревогу, вернулись в Москву. Выяснилось, что бдительные крестьяне-колхозники — они ведь расспрашивали, как до той деревни, до эту... — в милицию позвонили, их задержали.

” Приехал районный участковый и спрашивает: «Вы ребята чего?» — «Мы грачей считаем». Можно себе представить состояние милиционера! Их задержали.

Причем это была чуть ли не Аня Мельгаупт или кто-то, кто жил не в Москве. Значит: «А откуда вы?» — то ли паспортов еще не было... Стали звонить в Красногорск или куда-то, где этот кто-то жил, в местную милицию, а местная милиция пошла к родителям... В общем, их там, бедолаг, всю ночь продержали. Так было, к счастью, нечасто, но были и такие курьезные случаи. Но во всех ситуациях, во всех случаях это была определенная школа. И я ей тоже по-своему благодарен. Не говоря о том, что мои жизненные пути, благодаря ей, тогда пересеклись с Евгенией Васильевной, и я попал на Алтай, а далее, как говорится, уже везде, — потому что я много лет сотрудничал, и до самой ее смерти мы были... друзьями, если можно так выразится, с Еленой Васильевной. И конечно, я познакомился с Варварой Ивановной, фактически она всю жизнь меня поддерживала, и я к ней относился тепло и с благодарностью.

Поездка на Алтай

Н.Ф.: А теперь уже, наверное, летняя поездка.

А.А.: Ну, если говорить об Алтае... Я был тогда все-таки начинающий, но тоже сразу окунулся в активную экспедиционную жизнь. Каждый день сто, а то и сто пятьдесят плашек надо было поставить в ночь, их до восхода солнца собрать, и участвовал во вскрытии, препаровке...

Н.Ф.: Это были плашки деревянные?

А.А.: Да, конечно.

Н.Ф.: То есть это довольно большой рюкзак.

А.А.: Большой. Причем далеко не всегда сто, иногда и двести ставили. Но тогда я обычно брал один рюкзак

на спину, второй на грудь, и сначала один ставил... причем надо же было по линиям ставить — по двадцать пять, а не в одну линию. В одну линию проще, а по двадцать пять тяжелее. Но тем не менее. Причем позднее, когда я уже ставил плашки в зрелом возрасте, я обычно вязал узелки на траве. А тогда еще у меня не было принято... только отмечали начало-конец линии. Поэтому их и найти было непросто.

Бывали курьезные и там случаи: как-то арендовали лошадь, здорового такого мерина, и я на нем разъезжал километров за пять-шесть. Однажды привязал этого мерина и ставлю плашки. Причем делаю это украдкой, мне показалось — там цыгане какие-то бродят, то ли чтобы мерина не свели, или чтобы эти плашки не утащили. И вдруг какой-то старичок идет. А это же все-таки горы, склоны увалов около Горно-Алтайска. И он мне: «Что сынок делаешь?» Ну, чего-то так поговорили. «Ловушки». — «А, ловушки!» — «Ага». — «А что у тебя в рюкзаке?» — «Ну что — ловушки». — «А покажи мне». Я вроде: «Ну вот». — «А там?» В общем, весь рюкзак перерыл. А потом уже он мне признался, что у него барана кто-то стащил и зарезал: «Я смотрю, сынок, ты как-то вроде прячешься, скрадываешь или скрадываешься. Я подумал, что мой-то баран у тебя и есть». Но это все курьезные вещи, а если говорить о серьезных вещах, то это, конечно, была настоящая школа. А Аня Герман — это, конечно, Анна Львовна Герман, которая потом уехала в Израиль. Она жива, как я понимаю.

Н.Ф.: Да-да.

А.А.: Мы с ней как-то виделись в Финляндии на териологическом съезде, а потом на какую-то кюбзовскую дату (шестьдесят лет, совсем недавно) она приезжала. Пожалуй, меня она, наверное, уже не узнала. Она долго жила в Израиле, там вырастила детей, там и погибли дети, по-моему, у нее и муж ее Миша Львовский.

Н.Ф.: Погибли?

А.А.: По-моему, погибли. Миша очень рано погиб, тоже кюбзовец, кстати. Но он так ничего не кончал, ну не важно.

Н.Ф.: А погибли в каких-то инцидентах?

А.А.: По-моему, они в войсках служили. Но я не буду говорить, чего не знаю. Это знает хорошо Эли Извекова, которая на беспозвоночных сейчас работает, они поддерживают регулярные телефонно-мейловые связи. Я — нет...

Н.Ф.: А я похвастаюсь, я разбирал отцовские бумаги и нашел там записку Скадовскому от Формозова: «Прошу обратить внимание на девочку Аню Герман — девочка очень толковая». Нет, наоборот, Скадовский написал Формозову. Я сделал ксерокс, послал — нашел в каком-то справочнике адрес — и получил ответ. Она говорит: «Огромное спасибо! Так меня растрогало! Но, к сожалению, мои внуки не могут прочесть, они не знают русского».

А.А.: Ну да, естественно, а зачем им русский? Я не знал, что у нее есть внуки, это очень хорошо.

Н.Ф.: Да-да.

А.А.: Ведение журнальных записей, эти ловушки, были открыты канавки. Однажды холодный был дождик, и я обходил канавки с утра. И зверьков сажали в мешочки — это были молодые хомяки, *Cricetus Cricetus*. Я, естественно, в каждый мешочек отдельно посадил и понес домой. Я и сам промок и продрог, а когда я пришел, они подошли, к сожалению, за дорогу. Но мало ли — в цилиндрах часто зверидохнут — это дело такое, но я на всю жизнь запомнил, с каким искренним укором... Она особенно не выговаривала, но посмотрела: «Как же ты мог?» — Аня Герман. В общем, это для меня было очень серьезным уроком. Евгения Васильевна сама или сразу не поехала с нами, или она в тот же день... Нет, она поехала с нами. В Горно-Алтайске мы встретились с отрядом Кучурука. И там я впервые познакомился в Виленом Тракнориным, и он научил меня спать в спальном мешке.

Н.Ф.: Спальные мешки выдали вам как экспедиционникам?

А.А.: Да.

Н.Ф.: И как спать в спальном мешке, интересно?

А.А.: Это другая история...

Н.Ф.: Ну, нет. Уж упомянули — расскажите.

А.А.: Тогда надо рассказать, что мы приехали на поезде — до Бийска доехали. Потом на машинах, наверное. Это, наверное, кучуруковского отряда была машина. Мы приехали в Горно-Алтайск, где ночевали одну ночь, и там был устроен сабантуй — встреча двух отрядов. И вот что меня потрясло: сабантуй был назначен на вечер, а с утра было свободное время, и я... Горно-Алтайск лежит в долине и кругом холмы, грубо говоря, гребни... И мне показалось, что я сейчас поднимусь на этот гребень, как вы от Москвы-реки смотрите на бровку Ленинских гор. Но поскольку я впервые оказался в горной местности, я не оценил масштаб. Я и тогда был человек азартный... В общем, пока не дошел до вершины, где стоял триангуляционный знак, я не мог повернуть обратно. Но на это ушло три-четыре часа — на подъем. И только когда поднялся наверх и увидел, я понял, на какую высоту залез. А надо же еще идти обратно, вниз. Во-первых, я был потрясен и вдохновлен горами. Я впервые оказался — это еще, может быть, не горы, но холмистый гористый рельеф. Это на меня очень сильное произвело впечатление. Но когда я спустился, я со страхом шел на базу: я всего день был в Горно-Алтайске, но сориентировался не сразу, нашел. И полагал, что если не в угол, если не выпорют, могут просто отправить в Москву. Но мне сказали: «Ты голоден? Садись за стол».

Н.Ф.: Они уже сидели за столом?

А.А.: Они уже сидели. Дали мне несколько разведенного напитку, и какая-то там вкусная еда была... Меня спросили: «Где ты был?» Я сказал, что лазил на склон, и это тоже никого особенно не потрясло: «Ну ладно, здорово! Садись и подключайся...»

Н.Ф.: Напитка разведенного тоже дали?

А.А.: Дали, кажется. А может, и нет — я не помню. Конечно, все утомились, и пошли спать. А спали мы в кузове машины. Я думаю, что это все происходило на местной санэпидстанции: там дворик, домик. Но во всех случаях я оказался с Вилен Тракториничем в кузове машины со спальным мешком, который мне выдали. Но поскольку это было первый раз (КЮБЗовцы обычно всегда спали на каких-то одеяльцах или под кустом, а тут мешок), я так деловито в него полез. Тут мне, слышу, Вилен Тракторинич говорит: «Молодой человек! — Он не запомнил с первого раза как меня зовут. — В мешке полагается спать раздетым, если вы не хотите мерзнуть». Он разделся до трусов и майки, аккуратно скатал одежду, положил ее под голову и полез в мешок. Это был для меня урок номер один в той экспедиции, который я запомнил... А потом, через день-другой, мы поселились в Кызыл-Озек, в сельской школе...

Н.Ф.: Это на одной точке вы стояли все время?

А.А.: Да. Но в середине сезона появилась Евгения Васильевна. Пришла машина, и начались маршруты, в которые меня не брали поначалу.

Н.Ф.: То есть сначала вы приехали — ее не было?

А.А.: Ну, может быть. Я сейчас, честно, не помню. Мне кажется, что на этом сабантуе она была. Наверное, она даже доехала до этой школы, но потом уехала. И я могу сказать, куда: она поехала в Якутию, где они тоже работали, и где в это время был Коренберг. И она нам писала письма — такие отеческие письма, как нам жить, и их коллективно читали, но прежде всего на имя Талюси (Наташи Акуловой), потому что она была начальником по зоологической части. И в том числе, например, была такая фраза: какой хороший Баран (потому что у Эдика были мелкие завитки, его звали Бараном, он был студент), какой он энергичный, с самоотдачей работает, — это Коренберг, тоже кюбзовец, понятно. А потом она приехала, Евгения Васильевна, и начались маршруты. И меня не брали в маршруты как стационарного работника. Я не очень отчаивался, потому что, во-первых, к тому времени у меня жил сорокопут-слеток — в комнате,

где я жил, жил сорокопут. И я нашел птенца совы-сплюшки. У меня было две птицы. Сорокопута я выпустил незадолго перед отъездом, но он еще прилетал ко мне в окно, просил жрать, а сплюшку я повез с собой. Она летала, все, поскольку проблем с грызунами не было — не было проблемы накормить сову. Другое дело, что она удивительным образом очень быстро все съедала!

” Она летала по комнате и любила сидеть на портрете. Вождей, наверное, были портреты: Ленина или Сталина. А потом я случайно обнаружил (уже дело к концу шло), я обнаружил, что она захоронку делала за портретами. Они наклонно висели, вот она и... Там скопились десятки тушек.

Н.Ф.: Мышей гнилых? *(Усмехается.)*

А.А.: Полевков. Сухо, что ли, было, что они... — не знаю. Но поскольку в этой комнате тоже шло вскрытие постоянно, соответственно, там запах своеобразный, как всегда в анатомичках. Поэтому, может быть, не чувствовалось того запаха... Но все-таки, под занавес сезона, меня за хорошее поведение, прилежание и хорошую работу взяли в несколькодневный маршрут. Маршрут был очень интересный: по Чуйскому тракту до Семинского перевала, а там уже как бы горная — не тундра, но уже карликовая ива, карликовая береза, моховое покрытие... Для меня все это было внове и очень вдохновенно, и я впервые увидел Катунь. А в Катунь действительно голубая вода и серые скалы. Это было необычайно для меня все, как и работа на стационаре, и эта лошадь. В общем, это были очень сильные впечатления, и, конечно, огромный-огромный тренинг, навык. Во всяком случае, в Москву я вернулся бывалым полевиком, экспедиционником.

Н.Ф.: На лошади вы ведь никогда не ездили до этого?

А.А.: До этого — нет.

Н.Ф.: Но была спокойная лошадь?

А.А.: Спокойный мерин, да, проблем особых не было. Но постепенно привыкал, потому что, как вы знаете, в верховой езде самое главное учиться пружинить ногами и ловить, извиняюсь, ягодицами седло. Я освоил это дело, хотя потом, когда мне опять пришлось на лошади [ездить], я заново это осваивал. Но все-таки тот тренинг — он сказался.

Н.Ф.: Конечно.

А.А.: Как и сказалась работа на Алтае. Потому что, во-первых, я очень полюбил Алтай, он стал для меня родным домом. Во-вторых, приобретаю опыт... В общем, мои надежды со вступлением в жизнь приобрели смысл. Стало понятно, зачем учиться в школе: чтобы жить этой жизнью, потому что только поступление на биофак — в КЮБЗе мне объяснили, куда надо поступать и так далее, что из тебя может получиться. Но для этого надо поступить, а для этого нужно учиться. И чем дальше, тем лучше я стал учиться. И интересно стало, и это стало осмысленно — зачем надо упираться в школьной учебе. Кроме того, сама кюбзовская жизнь: поездки за город, доклады, наблюдения в зоопарке, общение с коллегами — потому что кто чем занимается: Леня Баскин, к примеру, наблюдал рев маралов; опять же зимние поездки по грачиным учтам и просто поездки. Там своеобразная жизнь, я потом о ней могу рассказать, о поездках. С подачи Лени Баскина была так называемая система районов разработана — мы ее пытались реализовать.

Но, возвращаясь к поездке на Алтай, что явилось следствием этой поездки? Когда на будущий год, к весне, Елена Васильевна сказала: «Саша, ты едешь со мной на Алтай. Там такие планы, то-се». Я сказал: «Конечно, Евгения Васильевна». Но бюро постановило иначе: он опытный, у него уже есть опыт, не авторитет, но... — он должен ехать с кюбзовской экспедицией. И хотя Евгения Васильевна ужасно возмущалась... При чем это был «бой чеченцев с кабардинцами»: Вова Марков против Эрика Ивантера, оба уже были

студенты, оба необычайно говорливы, и вот они упражняли свою лексику, свой ум и свое умение доказывать, куда Сашке ехать: с Карасевой или с кюбзовской экспедицией. Но бюро постановило: с кюбзовской. И я не поехал с Карасевой, а поехал с КЮБЗом. Это была уже совершенно другая экспедиция, на мне уже лежала...

Подмосковные поездки

Н.Ф.: Вы уже были в девятом классе?

А.А.: Да, это после девятого. На мне уже лежала большая ответственность. Это была экспедиция знаменитая на Кивач, но про Кивач я потом немножко расскажу.

Н.Ф.: А с вами Ивантер тоже ездил?

А.А.: Нет, он потом приехал, в конце, когда мы уже уезжали. Не только он приехал, Наташа приехала, много студентов. Не много, но трое-четверо — это немало. Витя Павлов приехал, который ехал из Кандалакши в Москву, Сережа Расницын, который был студентом третьего курса и с военной кафедрой; он уже тогда занимался защитой от насекомых, комарами. И он привез репеллент, и мы там испытывали, по заданию военной кафедры, эти репелленты. Туда приехала Алена Приданцева, и Наташа Мартынова, и Ивантер.

Н.Ф.: Пять человек, да?

А.А.: Ну, они в разное время. Витя ехал с Кандалакши проездом, но они, видимо, с Сережей списались. Сережа приехал с компанией: Ивантер, Мартынова — втроем. Ивантеру так понравилось, что он решил, что тут-то и осядет. Он в том году кончал Тимирязевку и приехал работать на Кивач, где через год познакомился с Татьяной, своей будущей женой. Там была вторая Кивачская экспедиция или даже третья, с ними приехал Петя Гуральник со своей студенткой, Танечкой, у них возник с Эриком роман, и дальше они поженились. Когда Таня закончила, они еще жили в Киваче какое-то время, а потом Ивантер осел в Петрозаводске.

Возвращаясь к кюбзовской жизни: мы много ездили, как и полагается, через воскресенье. И у Лени Баскина появилась идея, что надо в Подмосковье не вообще ездить по знакомым железнодорожным платформам, а выделить несколько участков — районов, назначить за них ответственных, которые бы туда ездили. Мы вместе потом уже обсуждали, некая конструкция вынашивалась: чтобы в каждом районе был свой ответственный, два-три человека, и чтобы кюбзовцы периодически всем составом ездили то в один район, то в другой, то в третий. Ответственные могут не ездить, а ездить именно в свои районы, но могут и со всеми ездить — в общем, курировать. Было назначено три района: район Бронниц, район Белых Столбов и район (вот судьба!) Снегирей — как раз там, где мы с дедом ходили на тяги от Снегирей до Крюкова, вот этот квадрат. Значит, район Белых Столбов — там был ответственным Леня Баскин и кто-то, может быть, Генька Сарычковский. Район Снегирей — Женя Сманцер и, наверное, Матюшкин и еще кто-то. А район Бронниц — я и Слава Ермохин.

Н.Ф.: А почему же вы не взяли Снегири?

А.А.: Не знаю. Нет, я могу сказать, почему Женя — потому что Женина дача в том районе была.

Н.Ф.: А, понятно. А у вас...

А.А.: Нет, у нас ничего там не было. Бронницкий район замечательный! О нем можно говорить особо, потому что это от Бронниц, соответственно, там что у нас? Северо-восток, да? Это Фаустово — следующая крупная остановка, через одну. Там были полигоны очень большие ракетные. И поэтому там была огромная зона, где никого не было: ни туристов, никого. И мы от Бронниц туда проложили маршрут. Выходили, подлезали (мы знали все проходы под этой проволокой) и выходили уже на этот военный городок, тихенько-тихенько, чтобы не заметили, — и на Фаустово. А там садились на электричку и ехали

домой. Что значит маршрут? И в Белых Столбах, и в Бронницах (от Бронниц до Фаустова), и в Снегирях (от Снегирей до Крюкова) были затесками сделаны маршруты, и промерены веревочкой каждые сто метров. И зимой, когда шли по этим маршрутам, учет следов делали по формозовской системе, и все это записывали в дневники. Готовили отчеты, причем все: следы зверей и птиц, тетеревов. И делали даже, поскольку кюбзовцы принимали участие в лосиных учетах вместе с ВООПом и, может быть, даже... Или тогда Розареновского кружка еще не было?

Н.Ф.: Ну, где-то в это время примерно.

А.А.: Во всяком случае, принимали участие в более поздних учетах — в Приокско-Тerrasном заповеднике. И мы знали, как делать учеты. Ну, почитали того же Формозова: книжки и наставления. Мы проводили там площадные учеты по кварталам зимой, то есть выставляли учетчиков, обрезали квартал (поскольку хорошо очень всю сетку знали — мы ее даже где-то раздобыли, все следы там зачеркивали и записывали), потом делали прогон, потом пробежали второй раз. В общем, все это вот так было поставлено. Поскольку каждый знал свои районы уже очень хорошо, мы знали, где токуют тетерева, где глухари, где белки гнездятся, где ирисы на болотах цветут (для Бронницкого этого региона, причем он большой: там до Фаустова километров двенадцать, а в ту сторону — до ветки, которая идет на Гжель). До самой той ветки мы не доходили, но тоже это большая площадь была.

Более того, мы там сначала просто в лесу ночевали — на ноябрьские, но по мере освоения территории завели знакомства в лесничестве, которое как раз к Фаустовским полигонам примыкало. Я уж забыл, как эта деревня, село [называется], километра четыре-пять от станции Бронницы по асфальтовой дороге, которая соединяет основную ветку с Гжельской, на Егорьевск которая ведет. Нас там пускали зимой в теплое помещение на неделю, то есть на десять дней. А днем мы ходили по маршрутам: по этим тропам и по нашему маршруту, Зятясово и радиально. Так же и в Белых Столбах происходило, но, мне кажется, — может, всяк кулик свое болото хвалит — что наш был наиболее часто посещаемый и лучше изучен. Но приходилось бывать и в Белых Столбах. Там березняки редкие довольно, но своя есть прелесть: по насту там, на лыжах делали маршруты. Я хорошо помню — по дедовскому маршруту со Снегирей на Крюково. Я там даже уже какие-то вспоминал потом старые, где с дедом когда-то ходили. Там долины речек, где мы на тяге стояли, — но эти маршруты все были зимой.

Н.Ф.: А дедушки вашего уже не было в живых в это время?

А.А.: Он еще был жив, но уже был на положении лежачего больного... Он в 1958 году умер. Во всяком случае, он дожил до моего кюбзовского статуса, и он понимал (он это вслух говорил и даже какую-то книжку мне подарил после моей первой экспедиции), что, в общем, то, о чем он и не мечтал никогда, но чего ему хотелось бы, я осуществил. По крайней мере на стадии юнната. Он не дожил до моего уже биофаковского статуса, но...

В зоопарке я потом за белками наблюдал, температуру мерил. У меня было соотношение. Во-первых, поведение внутри клетки. А во-вторых, соотношение температуры внутри скворечников, где и какие самцы, самки, кто какие участки занимал в этой клетке. Конечно, я всю литературу поднял, в том числе статьи Александра Николаевича, военные статьи, что белок можно как еду использовать и прочее. Есть много книжек всяких, охотоведческой литературы, которую, соответственно, я поднял. И, кстати, еще, тоже, бывало в моей жизни, что тыча в небо пальцем я попадал куда надо. Как-то Леня... Не как-то, а еще до поездки на Алтай спросил: «Кем ты, собственно, хочешь быть в биологии?» Надо сказать, что в 50-е годы на экранах было несколько фильмов, посвященных таежникам, охотоведам: какую они благородную профессию имеют, как с браконьерами борются. Тигров, рысей, все такое... И я уже несколько книжек прочитал по этому вопросу. Лене сказал: «Я бы хотел пушными зверьями заниматься». В общем, еще, конечно, слабо себе представляя, что это такое, но имея ввиду соболей — охранять их или разводить, не знаю... И это произвело впечатление, потому что обычно ребята, когда приходят в КЮБЗ, на вопрос: «Чем ты хочешь заниматься?» — говорят: «Тигрятами». Это такой стандартный ответ. Или — если будущие энтомологи: «Бабочками», — а тут... Леня сказал: «А, это уже интересно!» Но поскольку после майского выезда (тем более — первых грачиных учетов и после экспедиции на Алтай) я уже стал стопроцентным

кюбзовцем, поскольку я всегда любил рисовать, уже на будущий год меня избрали в редколлегию. Там полагалось стенную газету выпускать, «Голос КЮБЗа» мы должны были делать. И мы его делали, но я там в основном как рисовальщик выступал. А позднее, уже в девятом, наверное, классе, меня избрали председателем. Я был председателем и участвовал в праздновании родственного кружка ВООПовского Петра Петровича Смолина.

Н.Ф.: А какие вообще были взаимоотношения?

А.А.: Сейчас. Вручал ему адрес Большой Зоологической на Моховой, и он меня обнял как-то, да. И потому в песне, которую потом про меня сложил Сережа Расницын, было сказано: «Его сам ППС поцеловал».

Н.Ф.: ППС поцеловал. *(Смеются.)*

Отношения между кюбзовцами и вооповцами

А.А.: Отношения были. Знаете, существуют легенды. Я, например, от покойного теперь уже Андрея Шера слышал. Мы вечно дрались с кюбзовцами, и я никогда ни с какими вооповцами не дрался — первое. Второе — у нас были очень хорошие отношения: у Пономаренко и Алика Расницына, у меня и Миши Черниховского, я боготворил Юру Пузаченко, услышав его доклад по летней работе по Приокско-Тerrasному, по соням. А может быть, по летучим мышам, я сейчас не помню. Но меня потряс уровень проработки материала. Поэтому я с благоговением относился к вооповцам. Потом не будем забывать, что старшее поколение — Ивантер, Калюжный, Леша наш, природоохранитель...

Н.Ф.: Яблоков.

А.А.: Яблоков. Они все были друзья, это поколение. Поэтому всегда были очень хорошие отношения. И более того, те, кто потом ушел в пушмех, как Ивантер, или поначалу Алек Минь — они все были друзья по пушмеху в частности. У них были очень хорошие отношения, и у нас были хорошие отношения. К тому же были общие выезды, в тот же Приокско-Тerrasный, на учеты мы иногда по весне ездили.

Н.Ф.: Это не то, что вы договаривались совместно ехать, вас приглашал заповедник...

А.А.: Как-то через ППС, наверное, становилось известно, что в такое-то воскресенье будут проводиться учеты. Приглашаются кружковцы. Я все тонкие механизмы не знаю, но помню, как мы загружались: полный вагон электрички уже, наверное, или этого паровика набивался до Серпухова. Играли даже в кобылу на платформе. Я хорошо помню и весенние выезды, когда мы с конторой заповедника, через весь заповедник, в полной ночи, идем вместе с вооповцами до Зубра, который уже на том конце, на Оке, стоит. Ночевали либо в Зубре, либо под кустами на поляне, где домик стоял. Все равно потом расходились по два-три человека по лесу, независимо ни от чего.

Н.Ф.: А группы были внутри кружка, либо кюбзовцы...

А.А.: Кто как хотел, иногда к нам присоединялись — к какой-то из наших групп. Такое было. Резкой сегрегации не было никогда. Мы ходили на их отчетные конференции, и я с огромным интересом слушал! Тогда же только на сцене естествознания Жак Ив Кусто появился, и на нашей московской земле появились первые подводосъемщики. Я помню доклад очень интересный, с цветными слайдами, о подводном мире. От Кусто-то круги шли.

Н.Ф.: А Шер старше вас или младше?

А.А.: Мы одноклассники.

Н.Ф.: То есть он одновременно с вами должен был быть.

А.А.: Я не помню. Я хорошо помню Пузака, Черняховского, Романа Слотина — то есть тех, с кем мы общались. Никаких драк не было — это мифология. Более того, мы ходили на их конференции. Может

быть, и они ходили на наши — этого я не помню. Но то, что я ходил, и не один раз — это я точно помню. А я был рядовой кюбзовец — куда я ходил, туда ходили и другие. И на официальные заседания чувствовать ППСа, и ППС ко мне очень хорошо относился, и у нас просто были очень были теплые отношения с ним. Он всегда: «Саша», — очень улыбался. Я всегда с удовольствием ему внимал и как-то уже пару раз...

Н.Ф.: Это он не то, что знал вас по каким-то детским работам, а знал...

А.А.: По-человечески.

Н.Ф.: ...по-человечески просто.

А.А.: Наверное к тому времени, как уже стал председателем...

Н.Ф.: Да, председателем КЮБЗа.

А.А.: ...мы даже как-то встречались один или два раза.

Н.Ф.: А кто до вас был председателем?

А.А.: Спросите что-нибудь полегче. Юлечка Ивашкина была председателем. Был такой, может, вы помните Эдика Добкина? На нашей кафедре работал — он в этой комнате сидел, где Маслов. Дело в том, что Эдик, он был очень известным председателем, до меня. Когда я пришел в КЮБЗ, он уже служил в армии, на флоте... Лидочка Скуратова наверняка его помнит. Он попал на флот в радиовойска. Он вообще был технарь, хотя был знаменитый председатель, о нем рассказывали легенды. Но после армии он вечерний кончил биофак и потом тут работал у нас, обеспечивая Сереже Маслову, если не электронику, то механику опытов. Он, по-моему, так на пенсию и не вышел: умер, числясь на кафедре.

Н.Ф.: Но тогда бы я его знал, не может такого быть. А после вас кто?

А.А.: Леня Силкин был такой. Наверное, Женя Шварц — но это уже следующие поколения.

Н.Ф.: Женя много позже.

А.А.: Я просто соображаю, кто был, когда я поступил в КЮБЗ. А, вот кто: Галя Кливизаль была активным председателем. Но, наверное, хроника существует.

Н.Ф.: Наверное...

А.А.: Дервис был председателем!

Н.Ф.: Дервис, да. Он мне любит рассказывать историю, как они с Ивницким Сережей, человеком совсем другого поколения, подтрунивали над Воронцовым: «Коля, ты большой человек, но председателем КЮБЗа уже никогда не станешь!» *(Смеются.)* И он всерьез обижался. А вот такая интересная вещь: все-таки, дух — вы это характеризовали довольно ярко — дух КЮБЗа был не комсомольский.

Дух КЮБЗа

А.А.: Вы знаете — да. Но с другой стороны...

Н.Ф.: Вот эти песни...

А.А.: Нет, ничего комсомольского там не было абсолютно.

Н.Ф.: ...песни беспризорников. Даже это основное обвинение на процессе КЮБЗа — «аполитичность», когда посадили больше десяти человек. Вот вас, а вы выросли в такой — это тоже вы очень хорошо рассказали в прошлый раз — в такой правильной коммунистической семье, правильного духа. Вас не шокировало, что что-то чужое...

А.А.: Нет.

Н.Ф.: А почему? Вы сразу приняли всей душой: «Вот они — мои!» А все-таки, дух-то, если показать комсомольскому вожаку, облеченному властью, он скажет: «Нет, это ребята чужие. Что-то у вас тут не то».

А.А.: Наверное, он так бы и сказал. Мы с вами затронули очень тонкие материи, потому что уже в зрелые годы... Сейчас я попробую на ваш вопрос ответить. Как-то уже в зрелые годы мы с Женей Матюшкиным рассуждали, что, строго говоря, даже уже творчество Высоцкого — это мина под советскую власть, в широком смысле. В широком смысле мина, в широком смысле под советскую власть. Во всяком случае, под весь тот ритм, в котором жила та страна. На самом деле «Алые паруса», Грин — почему? Мы же не читали Грина! Кюбзовцы читали. Хотя Грин ведь не был запрещен.

Н.Ф.: Не был.

А.А.: Его в школе не изучали, не пропагандировали. Полагалось читать «Молодую гвардию», «Как закалялась сталь», «Бумбараш», еще какие-то, которые я теперь не помню, но могу названия вспомнить. А не полагалось читать Грина, не полагалось читать, я уж не говорю — Зощенко, но даже «Золотого теленка»! Не полагалось этого читать, а в КЮБЗе читали.

” И именно в КЮБЗе я впервые услышал о «Двенадцати стульях», и может быть, даже и о Грине, хотя, на мой взгляд, Грин — вещь совершенно безобидная и, в общем-то, детская литература. Она такая чисто детская, наивная.

Н.Ф.: Но все-таки романтика, она в духе того времени.

А.А.: Все равно, все равно. Только уже после всяких оттепелей стали на экран выводить эти персонажи.

Н.Ф.: Я понимаю, да.

А.А.: Но я хочу сказать, что все равно какого-то резкого противостояния комсомолу, слава богу, не было. В мое поколение... Я про свое поколение.

Н.Ф.: Конечно.

А.А.: Вот поэтому, я же вам говорил, что я пришел с тремя нашивками на рукавах.

Н.Ф.: Нет, не говорили.

А.А.: Нет, говорил. Председатель совета дружины я был. И я даже совмещал, я не бросил дружину, пока девятый класс не кончился, и просто настал срок переизбрания. И кюбзовцы иногда приходили в школьной форме и с комсомольскими значками, они их стыдливо не снимали. Ничего этого не было.

Н.Ф.: Естественно. Такого не могло быть.

А.А.: Тем не менее, тем не менее. Так что... Были субботники, как во всей стране. Они были в зоопарке вообще и в КЮБЗе в частности.

” Потом мы, понимаете... мы строили страну, мы строили свой зоопарк, мы привозили муравейники... Пытались озеленять пруды, но ничего не получилось.

Об этом можно отдельно — чисто биологическая проблема. Утки сжирали все, что мы привозили, вплоть до палок, я уж не говорю про кочки. С Кюба привозили иногда целый грузовик кочек. Привезем, думаем: через неделю это все разрастется, окутится, закутится... Приезжаем через неделю... Не приезжаем — забегаем: вроде на месте. Но чахнет, чахнет, потом — все. Утки сжирали. Клювами молотили-молотили...

Нет-нет-нет, никакого внутреннего дискомфорта я не испытывал. Во мне никогда не было нигилизма, никакого.

Н.Ф.: Я понимаю.

А.А.: Это скорее плохо: я недостаточно критичен к окружающему миру, — но какой есть.

Н.Ф.: Чудесно.

А.А.: А потом, в школе, комсомольские дела... Ну, я особо ими никогда не увлекался. В общем, они как-то отошли на второй план. Во-первых, потому что я стеснялся, а всякая такая активность требует выйти на сцену, выйти перед [аудиторией]... мне это всегда было дискомфортно. Если надо было рисовать стенгазету — я рисовал, потому что я любил рисовать. Если надо было какую-нибудь статью написать — я не любил писать статьи, но что-то из себя выжимал, уж если категорически требовалось. Но вот общественная активность — она вполне была реализована в КЮБЗе, и, понимаете, мой внутренний статус, он один в одно вписался в кюбзовскую жизнь, и это было настолько по душе, настолько по мне, что... не знаю.

Н.Ф.: Да-да, это просто свойство подростков — иметь круг, где они свою самоидентичность проявляют.

А.А.: Во всяком случае, КЮБЗ оказался тем самым [местом]. Я не случайно начинал с деда. Я думаю, что-то сыграло роль...

Н.Ф.: Конечно!

А.А.: Вот эти все мои: дед, и дядя, и мама, которые меня втягивали в это бытие в природе. Утрированно, так сказать, штампованно говоря — любовь к природе. Но дело не в любви, а в умении, способности, готовности и желании в нее погружаться, растворяться в ней и ее в себя принимать. КЮБЗ, конечно...

Н.Ф.: Развивал это.

А.А.: Он, во-первых, развивал, и сейчас я поясню как. А во-вторых, он способствовал этому.

Н.Ф.: А вот Минов очень любит повторять, Михаил Валентинович: мы, кюбзовцы, без ружья на выезды не ездили. Это правда?

А.А.: Ну, я сейчас вам скажу. Я уже говорил, что мой дед подарил мне ружье, когда мне было четырнадцать лет. Пошел в магазин, купил без всяких документов и подарил. И действительно, кюбзовцы ездили на выезды с ружьями. Но, во-первых, далеко не всегда и не на все. Во-вторых, далеко не все кюбзовцы. Да, у Сережи была берданочка, но он как энтомолог нечасто ее возил.

Н.Ф.: Расницин?

А.А.: Да. Да, у меня была одностволка моя. Да, я частенько ее возил. Да, Женя Курочкин имел даже, по-моему, двустволку. Или одностволку — сейчас не помню, и он ее с собой возил.

Н.Ф.: Он немножко старше вас?

А.А.: Мы одноклассники. Но он по КЮБЗу старше меня года на два, наверное. Когда уже в следующую зиму мы на зимние каникулы выехали ночевать, в школе жили, все ложились спать, а Женя, подстрелив какого-нибудь клеста, сидел, тушку препарировал, набивал. Это очень было выразительно. Из девочек, по-моему, одна Галя ездила с ружьем и то не всегда. Нет, я не могу сказать, я думаю, что Михаил Валентинович немножко утрирует. Ивантер был нелюбитель ружья, хотя иногда с ружьем ездил. Алек Расницин, по-моему, ездил без ружья. Это все-таки вещь индивидуальная — тяга к ружью и к охотничьей компоненте человеческой психики.

Н.Ф.: Конечно-конечно. Нет, это еще к тому, что время изменилось.

А.А.: Да, конечно. В КЮБЗе были и те, кто ботаникой занимался, — это было не противопоказано. А в

кюбзовских экспедициях почти всегда одна-две девочки занимались ботаникой. Потом вот энтомологи, для которых основное было... или ты с ружьем, или с сачком — иначе чего ты там накопишь-поймаешь. Ну, Алек... они всегда с топориком ходили, чтобы щипать пни, всякие личинки или жуков добывать и так далее.

Н.Ф.: Они уже были прирожденными энтомологами — оба Расницыны.

А.А.: Дело в том, что когда я пришел в КЮБЗ, они уже поступили на первый курс, были студентами. Они-то точно все были энтомологами в КЮБЗе: и Алек, и Сергей [Расницыны], и Гена Глузский — это однозначно совершенно.

Н.Ф.: По-моему, все по хронологии. Теперь поступление в университет.

А.А.: Да. Видите, я про дедов что-то вспомнил. Мне кажется, это важно.

Н.Ф.: Конечно.

Экспедиция на Кивач

А.А.: Поэтому давайте что-то, может быть, я по поводу КЮБЗа еще вспомню. Нет, про Кивач я должен рассказать. Про Кивачскую экспедицию.

Н.Ф.: Расскажите.

А.А.: Ну, давайте. Но все-таки что-то, может быть, о КЮБЗе еще важное — я фотографии свои посмотрю, могу их принести... А потом уже университетскую жизнь: с Карасевой, с Шиловой. Эти все вещи — на мой взгляд, показательные этапы становления естествоиспытателя. Кстати, вот что очень важно про КЮБЗ: мы же не только ходили ППСа поздравлять в Большую Зоологическую аудиторию, мы регулярно ходили на заседания МОИПа, слушали Александра Николаевича, ту же Карасеву, какие-то выступления Гепнера. То есть это закладывалось именно на кюбзовской стадии. Тем более мне-то тут рядом. А там чем удобно — что с Моховой всем разъезжаться с этих станций метро, а мне пешком можно с тем же Женей Матюшкиным пройти до дома по Большой Никитской. Так что это очень было важное. Мы, я помню...

Н.Ф.: А с Евгением Николаевичем вы познакомились в КЮБЗе уже?

А.А.: Да. Причем, надо сказать, что мы с ним первый-то год не сблизались. Он себя позиционировал тогда как орнитолог. Он действительно хорошо знал птиц: он наблюдал за лебедями, но не только. Он, помню, начинал с лис. Мы с ним взаимопрониклись на Киваче, то есть через год. Хотя, конечно, он больше льнул к Жене Сманцеру, Матюшкин, и у них фактически до конца сохранялись теплые отношения. Но такого вот взаимодуховного проникновения... Это у нас с Женей возникло позднее, и оно потом уже всю жизнь поддерживалось...

Н.Ф.: Итак Кивач. Это между девятым и десятым классом.

А.А.: Да, причем по категорическому настоянию бюро кружка я поехал на Кивач. Там был Женя Матюшкин, Женя Сманцер, Сережа Титов, Вадим Апенин и Валя Лапин — знаменитая фигура кюбзовская — ...

Н.Ф.: Да, я его знал хорошо.

А.А.: ...который потом женился на дочке Вениамина Осиповича Цалкина — Шурочке Цалкиной. Я бывал у них дома, у Цалкиных, один-два раза, — что-то вроде вечеринок студенческих. А потом попал в дом Цалкина с подачи Воронцова, но это другая история.

Так вот, это я молодых людей назвал. Из девочек там были Тома Кабанова, Таня Смирнова, Марьяна Аксютинина и Аня Мельгаут. Марьяна, по-моему, потом на гистологию поступила; Томочка и Танечка — не знаю, на биофак они точно не пошли: Тома, по-моему, пошла по стезе медицинского работника, а Татьяна вообще в Петербург перебралась. А Аня Мельгаупт была энтомологом, причем работа у нее

была очень хорошо продумана. Потом она была женой Мейна, как известно... Кстати, она жила в Красногорске, занималась насекомыми-короедами. Прежде всего срезала, срубала на древесине узоры, которые оставляют личинки, они видоспецифичны. И таким образом, даже не отлавливая жуков, можно составить список таксонов и характеристику деревьев, которые они занимают, — каждого таксона этих жуков...

Сначала мы приехали в Петрозаводск: потолкались там несколько дней, связались с отделением... Или это заранее было, но я этим не занимался — там местное было отделение Карельской Академии наук. Несколько дней пожили в курортном местечке Сайнаволок, на берегу Онежского озера. Потом за нами прислали машину, и мы поехали в заповедник. Это недалеко, километров 70–80, но проблема в том, что дорога уже идет по тайге. Сначала трасса на Кондопогу и дальше на север, а потом грунтовая дорога, и главное, — она кончается у водопада Кивач. А управление заповедника и село находятся на той стороне. И там уже мы долго кричали лодку. На лодке перевезли свои вещи, потом нам дали лошадь — на нее погрузили.

И поселили нас в домике, который заповедник готовил для себя, но не в селе, а прямо уже в тайге. Рядом, но в жутких совершенно комарах мы жили, причем это был сруб без окон, без дверей...

” Потолок был, но только так — одно слово. То есть был пол, потолок и прораны окон и дверей. Поскольку там ветра не было, комаров набивалось больше, чем на улице. В общем, это была первая для меня, да и для всех для нас, обкатка комарами.

И так они потом нас сопровождали до конца. Но у нас была какая-то марля, мы, во-первых, пошили полога, во-вторых, занавесили окна, даже что-то на дверь повесили. Хотя, конечно, спасения от комаров не было в этом срубе на берегу Суны-реки.

Центром заповедника является этот знаменитый Кивач. С высоты пятнадцать или семнадцать метров там вода падает. Ну и началась интересная жизнь, во-первых, самостоятельная, потому что там единственным из нас знающим человеком, руководителем, был наш руководитель — Евгений Васильевич Евстафьев, фигура очень интересная, неординарная. Ну, он больше маленькими руководил, потому что мы-то уже были девятиклассники, восьмиклассники: оба Жени — Сманцер и Матюшкин — на класс меня моложе, а я — девятиклассник, прошедший экспедицию на Алтай. Как всегда, было на темы разбито: Таня Смирнова и Томочка Кабанова занимались ботаникой, составляли описания растительности заповедника. Этому способствовало то обстоятельство, что директор заповедника сам был ботаник. Женя Матюшкин вел учет птиц и вообще птицами занимался. Сманцер как ихтиолог тогда уже занимался рыбами. Тема у него была такая, фауна рыб водоемов заповедника Кивач. У Жени — фауна птиц заповедника Кивач. Ну и так далее... У меня были мелкие млекопитающие, поскольку у меня уже был большой опыт, были ловушки. Марьяна Аксютинина всегда работала в террариуме, и она занималась змеями. Аня Мельгаупт — насекомыми. Чем занимался Вадим Опинин, я не помню. А был еще такой Сережа Титов, он тогда был маленький мальчик совсем, шести-пятиклассник, он занимался... стандартная для КЮБЗа тематика при Евгении Васильевиче была — за гнездами наблюдать, то есть хронометраж приноса... Довольно быстро нашли гнезда, и он сидел, наблюдал с будильником. Тогда таких часов не было — с будильником, под дождем иногда, хронометрировал этих птиц.

Численность была низкая, зверей мне попадалось очень мало. Но что мог, я, как говорится, совершил. Я в разных концах — около домика сначала, а потом в разных концах биотопов поставил ловушки... Это, в основном, были, конечно, ельники-зеленомошники преимущественно, но и там были, конечно, сосняки — и в сосняках тоже. А потом — на другом конце заповедника. Мы ходили с ночевкой в деревню Ликшицы, на той стороне Суны. Там тоже делали обловы. Кроме того, когда появился Расницын, Наташи приехали, мы на двух лодках организовали поход по Суне, поднимались вверх по реке. Дело в том, что это Карелия. Поэтому там все реки — фактически озерные протоки, то есть река-река, с довольно быстрым

порожистым течением, а потом расширение — озеро («ламба» по-карельски), потом опять... Вот мы дня три-четыре так поднимались... Поскольку в Суне сильное течение, мы с трудом выгребали, то есть приходилось под берегом только, местами даже волоком тащили лодки. Но когда вышли в озеро, мы шест приделывали к лодке, и у нас было несколько дождевиков — плащей так называемых председательских. Они широченные, мы одну фалду привязали к мачте, а вторую — к колу. И у нас получился косой парус. Особенно на озерах, где заметный ветер, это помогало грести... Работали как могли. Кстати, до нас за год или два там работали, как мы понимаем теперь (потом мы поняли — тогда-то мы ворчали), Гибет и Никифоров. Никифоров и Лариса Гибет, они оставили формальный отчет. А мы с юношеским пылом и задором все находили там ошибки и поправляли, дополняли этот отчет...

Так или иначе, по приезде в Москву мы составили довольно большой отчет. Я уже говорил, что туда к нам приезжали Витя Павлов и Эрик Ивантер. Написание отчета курировал Эрик, спасибо ему за это. Мы жили, в общем-то, рядом. Я приходил к нему, садился и писал, а он: «Ну-ка вот это, а вот про это...» Учеты и есть учеты... Женя сам писал по птицам, а Сманцер Женя писал по рыбам. Ну и, конечно, Аня Мильгаупт своих насекомых писала сама. А вот млекопитающих под руководством Эрика писал я, и это тоже была хорошая школа — все-таки Эрик то ли уже закончил, то ли заканчивал университет.

Н.Ф.: А он к вам приезжал туда и познакомился как раз с Кивачем там?

А.А.: Да-да. Именно в этот сезон.

Н.Ф.: Расскажите про Евстафьева, потому что все говорят: интересная, необычная фигура. В чем интерес его был?

А.А.: К сожалению, мы мало тогда интересовались даже друг другом, а тем более Евстафьевым. С Евстафьевым я лично не воевал никогда, я к нему очень уважительно относился. Но молодежь, особенно следующих поколений, Валера Максимов, они даже с ним как-то хамовато себя держали. Евгений Васильевич — он военного поколения, но, как я понимаю, сам не воевал. Но он был в лагерях, где-то на Белом море, то ли школа юнг, то ли еще что — в общем, при полуказарменном режиме его юность прошла. Это человек, который очень трудно прожил свою юность и знал цену куску хлеба. Он очень к этому бережно и заботливо относился. Он всегда призывал нас экономить. Например, на десять-двенадцать человек нам выдавалась одна банка тушенки на день. И он считал, что этого вполне достаточно. С другой стороны, часть денег давал зоопарк, а часть все-таки мы собирали еще. Так что с этим было довольно напряженно, с едой. Евгений Васильевич как-то... Его любимая фраза: «Про черный день надо оставить». Более того, она имела своим следствием, как раз на Киваче, — нам уже уезжать: «Евгений Васильевич, а где же черный день-то?» За день — за два до отъезда мы, собрав все, устроили пирушку, и это называлось «праздник черного дня». По-моему, он даже вошел потом в традицию, которая, впрочем, теперь, мне кажется, не поддерживается. Но несколько сезонов она бытовала. Это от Евгения Васильевича пошло.

Кстати, я ведь остался на Киваче. Я не уехал. Остался с Сережей Раснициным. «У меня, — говорит, — есть какие-то деньжата». Но мы не просто так остались: мазали себя репеллентами разными, выставляли голые руки и по часам считали, когда первый комар сядет. Это все Сережа записывал и потом отчитывался. По-моему, это кафедра военная, от нее он получил. Впрочем, я точно не помню сейчас от кого. Так вот, Евгений Васильевич. Конечно, он трудно жил, он даже никакой особой спецодежды... Как правило, просто в прорезиненном плаще ходил, в резиновых сапогах и в кепке. Мы над ним подтрунивали. Может быть, у него не очень была поставлена речь, не так изящно, как бы надо у учителя вообще, у преподавателя словесности. Но он преподавал и не словесность. Он увлекался коллекционированием марок, и очень хорошо знал и умел находить гнезда, голоса птиц... он, в общем, вполне отвечал...

Н.Ф.: А специального образования у него не было?

А.А.: Не уверен. Нет, я думаю, у него пединститутское какое-нибудь вечернее было. Кажется, он кончал областной пед. Во всяком случае, он женился на даме, которую я потом случайно узнал. Она работала в издательстве МГУ. Уже будучи студентом, или, скорее, в первые годы работы в университете, когда

бывал в издательстве, я с ней пересекался... Ну что его отличало? Во-первых, он был очень хороший натуралист. Он знал и птиц, и голоса, и следы. Он был человек добрый, и он, конечно, был человек мужественный, потому что взять на себя такую ораву! Он же на все зимние выезды с нами ездил! Спать на полу и ходить по лесам... Он, конечно, брал самых маленьких, и это оправдано: чтобы их учить — раз, и особая им нужна опека — два. Но, например, была такая история в Киваче: у одного местного дядечки из заповедного штата, из егерей, из наблюдателей, из охраны (не помню, как его, Сашка, по-моему, звали — не важно), взяли старую долбленку и на ней по Суне плавали. Но просто надо себе представлять, что значит «по Суне плавали».

По Суне сплавляли лес модем, то есть без плотов шел вал. На каждом перекате эти бревна образовывали барьер, и вода неслась в узком тоннеле, в том числе эти бревна, со скоростью курьерского поезда.

Н.Ф.: Именно в то время шел сплав?

А.А.: Да, при нас.

Н.Ф.: Летом?

А.А.: Это было при нас. Июнь, наверно. Да, июнь. Обычно в июне кюбзовцы... Я с Сережей остался там почти до августа, но основной — июнь, может быть, июнь-июль, шел сплав. И как-то я кого-то вскрывал — тушки, наверно, материал какой-то обрабатывал... Потому что я и птиц делал тушки, мы ходили в зоомузей — чистили черепа для Евгении Васильевны. И не только того сезона, где и когда я работал. Но и Аня Мельгаубт ходила, и Спангенберг Евгений Георгиевич (*Павлович. — Ред.*), если не ошибаюсь. Вот Спангенберг устраивал периодически... мы приходили к нему на семинары. Он показывал нам, как делать тушки. То есть мы это профессионально умели. И работу препараторской сами делали. Он-то у себя в кабинете показывал или в препараторской, но так или иначе на первом этаже, где мастер Пивоваров работал известный, — мы были свои люди. И поэтому на Киваче делали, естественно, тушки, если что...

Ружья, конечно, были у всех из парней. Ну, не у всех: у Лапина не было, у Матюшкина не было. Было у меня, у Сманцера. Потом Сережа со своей берданкой приехал. И у Ивантера, по-моему, было ружье. Ну, не важно. Важно, что ружья были, мы стреляли. Стреляли мелких всяких птиц, в основном. И, короче, я сидел почти... не в трусах — там комар, но так, легко одетый и препарировал что-то. Подходит ко мне Марьяна и говорит: «Саша, перевези меня на тот берег, мне там учет гадюк надо делать». Я сажусь в долбленку... А еще с дедом в Чеполышеве, на Валдайских озерах, я освоил греблю одним веслом — это тонкая вещь: чтобы не перебрасывать весло с одного борта, ты толкаешься, а потом делаешь резкое силовое движение, выправляешь лодку — и опять. Но я умел. А у лодки вообще не было уключин, долбленка же это была. Долбленка — не из досок лодка. Только по две доски по бортам, потому что, когда вы долбите таким корытом, у вас корма и нос получаются пониже, чем средняя часть. Тогда прибиваются две доски. Я ее туда перевез, лавируя между бревнами, но меня снесло по течению. Да, а при этом по гальке и по шишкам — это в лесу все-таки — плохо идти, я надел первые, которые мне попались, — а чужие попались, — сапоги с ботфортами на босу ногу. Ну, только чтобы пятку не жало и чтобы не возиться с ботфортами, не отворачивать — мне было лень. Прыгнул в лодку, перевез, меня снесло. И когда я стал обратно грести, меня еще сильнее снесло и затянуло, я уже не мог выгрести, в этот желоб между наваленными бревнами. Туда меня бросило. Я только успел носом повернуть, чтобы меня не боком ударило. Но тут я сделал техническую ошибку... Потом мы научились проходить эти узости... А тут он такой узкий, лодка проскочила, и я руками уперся в эти бревна с двух сторон. Тут же корму затопило, меня перевернуло и понесло, кувыркая меня в этом потоке бревен и воды. Ну, кувыркаюсь я, а там через километр — водопад Кивач. И я-то себе представлял, что это такое, это пенное бурление и вода эта мощная. И у меня такие мысли, думаю: «Ну что ребята будут делать, что же они, экспедицию закроют?..» В общем, первая мысль: «Что будет?» А потом чувствую, меня перестает так сильно бросать.

Я как-то сориентируюсь, поднимаю голову над водой и вижу, что дальше — следующий затор, а перед ним как бы подпруда. Я начинаю грести и выгребая на край этой следующей подпруды.

Н.Ф.: То есть вы остались в лодке?

А.А.: Нет-нет-нет, лодку унесло. А меня кувыркает в воде. Но когда стало медленнее кувыркаться, и я сумел оглядеться, я понял, что мне надо. Я поплыл вбок, вылез — очень трудно было вылезти. Да, когда меня перестало кувыркать, я понял, что, в общем, надо плыть, а плыть я не могу, потому что у меня сапоги полны воды. И тут я пугаюсь: вдруг они с меня соскочат. А это же был дефицит и достоинство каждого мужчины. Что я Женьке скажу? А у меня наверняка не было тогда еще сапог с ботфортами. Во всяком случае — на мне были чужие литые здоровенные сапоги. Мне надо вылезать на бревна, а сапоги меня вниз тянут, и я боюсь их потерять. Надо вылезти вместе с сапогами, полными воды, и чтобы тебя самого под эти бревна не утащило течением. Как-то я боком лег — в общем, выкарабкался. И естественно, первое, что я стал делать, сидя на бревнах этой подпруды, — снимать сапоги и выливать воду. А девчонки, которые мыли посуду — как раз, по-моему, Марьяна Аксютинина с Томочкой или Таня с Томочкой, — побежали... Нет, Марьяну я как раз перевозил... Они побежали, Евгению Васильевичу сказали. И он, как я понимаю, бледный, как полотно, выскакивает на берег и видит картину: я спокойно сижу на этих бревнах и выливаю воду из сапог. *(Смеется.)* Все кончилось благополучно, но к характеристике Евгения Васильевича: он повернулся и ушел, и ни слова мне потом не сказал.

Н.Ф.: Да.

А.А.: Мы продолжали бродить по тайге по два — максимум по три человека, с ружьями, с дробовыми и пулевыми зарядами, и ведь он за все это отвечал!

Н.Ф.: Да. Это правда.

А.А.: Пытались убить гагару — не сумели. В знаменитой поэме «Гагара» это все описано в стихах. Пытались убить крохалея и, в общем, не сумели. Потом, когда приехал Витя Павлов, — он хороший был стрелок, он его с первого раза сбил. Сделали чучело. Чучело до сих пор хранится в КЮБЗе. Ну, например: от дождей у меня заклинило патрон. Мне удалось разложить ружье. Мы ствол камнями привалили, патроном к нам, отошли на галечниковой отмели реки Суны и стали стрелять по казенной части. В конце концов попали по капсюлю, но не сообразили, надо было...

Н.Ф.: Из чего стрелять?

А.А.: Дробовым ружьем, дробью некрупной — тройкой, может быть. Не в упор. Мы отошли, даже залегли, но когда попали по капсюлю, патрон-то заклинило, заряд вышел, и ствол с грохотом по гальке пошел на нас. Он недолго шел — все-таки по гальке, — но, в общем, до нас дошел. *(Смеется.)* Надо было привязать, тогда бы все было нормально...

Н.Ф.: Как-то я не понимаю, вы же с казенной части стреляли?

А.А.: Мы положили ружье. Ружье удалось разобрать, эту одностволку. Ствол положили, да, и стреляли по казенной части.

Н.Ф.: А почему же он на вас обратно идет?

А.А.: Ну как же, заряд-то пошел сюда...

Н.Ф.: Отдача, понятно.

А.А.: А тут ни плеча нет, ни приклада, ничего, ствол и пошел... Как ракета. *(Смеется.)*

Н.Ф.: Ужас!

Отношения между полами

А.А.: И все это Евгений Васильевич терпел. И более того, там были и психологические его мудрости как педагога. Кюбзовцы привыкли все в повалку спать и в школе, и под елками. Девочки, мальчики, обнимутся потеплее, прижмутся друг к другу и... Ну спать-то обычно в лесу весной много ли приходится... По осени подольше. По осени иногда костер большой делали. Ну и, по такой же привычке, мы в этом домике тоже так, в повалку. Евгений Васильевич как бы ничего. Но через день меня отзывает: «Саша, — говорит, — вы же в трусах спите, в майках, а девочки-то в шароварах, они ведь не раздеваются. Это негоже, надо им тоже дать возможность отдохнуть, чтобы они спали». — «Да, — говорю, — Евгений Васильевич, вы правы!» Как-то до меня не доходило, понимаете, не доходило, одеяльцем укроемся — и все в одной куче лежат. И я потом парней... Тогда такого не было: ни «мужики», ни «парни» не было, — не важно, в общем. С Женей мы: «А вот давайте-ка...» Да, а почему еще — пологов не хватало. И по симпатиям объединились в пологах-то. «Давайте-ка мы... Евгений Васильевич прав». И мы разъехались: девушки в свои полога, мы в свои полога.

Н.Ф.: Современному слушателю будет непонятно. Как я понимаю, отношения были совершенно платонические, в общем-то.

А.А.: Если бы я сказал, что всегда и только платонические, я бы солгал. Это неправда, но... Были даже любви, были браки. Правда, известен только один брак, который всю жизнь продлился. Она и теперь жива... Такая была Ася, Ася Щеглова. Они с КЮБЗа с Юрой Копытиным были друзья. Потом поженились, у них были и дети и внуки. Только Юра сравнительно недавно умер. Но это старшее поколение, это поколение Ивантера...

Н.Ф.: Михаил Валентинович, Галина Александровна...

А.А.: Сейчас я вам отвечу на ваш вопрос. Это единичный случай кюбзовского брака.

Н.Ф.: Но у них роман начался еще в школе?

А.А.: Именно в кюбзовские годы начался. Они официально были дружка с дружкой — и так вот всю жизнь. Что касается Михаила Валентиновича с Галиной Александровной, в КЮБЗе у них, по крайней мере официально, не было признано каких-то взаимоотношений. Может, они и были, не буду говорить, я не знаю...

Н.Ф.: Не было, они так же рассказывают.

А.А.: Ухаживать за Галей... Галя себя в КЮБЗе позиционировала... Не случайно же ее звали Тигра, и теперь мы ее так называем. Все-таки парни-то были крепкие в КЮБЗе, но Галя позволяла себе — и залепить могла. В общем, сурово с ними: затрещину залепить и так далее. Не даром она возглавляла кюбзовскую экспедицию перед Кивачем в Воронеж. Довольно крупная, известная была экспедиция. Так что... Нет-нет, и Миша был внешне индифферентен.

Н.Ф.: Я так понял, что их взаимоотношения возникли уже в стройотряде.

А.А.: Да-да. Нет, это не кюбзовский период.

Н.Ф.: Галина Александровна очень сильно с ним препиралась, он там вроде был начальник, в стройотряде на Белом море.

А.А.: Нет-нет. В КЮБЗе тоже уже студент был — Сережа Росницын, и у них возникла любовь с Наташей Глузской, сестрой Гены Глузского. Она потом училась на биофаке, но я не помню, на каком — то ли на энтомологии... Неважно. Но потом они разошлись. И я не могу назвать ни одной, пожалуй, из кюбзовских привязанностей, которые завершились бы устойчивым, на всю жизнь, браком. Но тем не менее кто-то за кем-то ухаживал. Не будем ханжить. Чего там, Валяня пользовалась успехом, за ней Слава, может быть, ухаживал Ермохин, какая-то была привязанность-симпатия. И у меня, к Верочке Ивашкиной... Как говорится, теперь чего уж скрывать...

Н.Ф.: Понятно-понятно.

А.А.: Но все равно, понимаете: это была производная от какого-то такого (не знаю, какой глагол подобрать) рабочего состояния непрерывного, люди были чем-то постоянно заняты независимо от пола.

Тут важнее группа, которой ты занимаешься, нежели девочка ты или мальчик. Ты орнитолог, или ты мелкими млекопитающими, копытными, поведением или экологией занимаешься.

Ну хотя, конечно, как известно, и разореновские пестуны, и вооповские, и кюбзовские в лесу все равно разбивались на группы по два-три человека. Там как-то более-менее по симпатиям, но сказать, что были одни и те же двойки-тройки-четверки, — ничего подобного: тасовались, менялись...

Н.Ф.: Конечно.

А.А.: Так что, возвращаясь к Евгению Васильевичу: потом он, как прошедший эту военную-послевоенную эпоху психологическую, ужасно робел перед начальством, боялся Сосновского, но внешне этого не показывал. И тем не менее как мог, сколько мог он интересы КЮБЗа и кюбзовцев поддерживал, отстаивал. И самое главное — он был прежде всего натуралист, а это очень важно. Потому что в КЮБЗе были разные руководители, но натуралистов-то среди них было... может быть, он был единственный, из тех, что я помню, если не считать того же Петра Петровича Смолина.

Руководители КЮБЗа. Итоги кивачской экспедиции

Н.Ф.: А какие еще руководители, кроме него? Он же тридцать лет почти был...

А.А.: А там, как правило, по штату был второй. И сейчас там, например, три числится, и тогда было два. Какие-то дамы, не помню, к сожалению, имен-отчеств, но помню, были очень непростые судьбы этих дам и взаимоотношения с ними кружков. Например, пришла одна дама из университета, со значком. Я к ней с большой симпатией относился. Но почему-то старшие кюбзовцы решили, что ее надо изгнать, и жестко к ней относились. И она неправильную линию, конечно, занимала.

Н.Ф.: А в чем неправильную?

А.А.: Она была человек наивный. Ну и, наверное, просто хороший человек, поэтому она пыталась поддаться под кюбзовцев, завоевать их симпатию: во-первых, она тоже ездила на выезды, но совершенно к этому не приспособленная; во-вторых, на выезде авторитет можно завоевать у ребят прежде всего тонким знанием природы — у нее этого не было. А все остальное — то, что она, например, соглашалась в кобылу играть, и на нее, бедную, садились верхом... Ну не на нее одну, но когда ее команда кобылу изображает, и на нее прыгают... Не надо было этого делать.

Н.Ф.: Да, понятно. Ошибка.

А.А.: Такой немножко ложный психологический ход. Все равно у меня она скорее вызывала симпатию своей искренностью и желанием войти в кюбзовский быт, а у кого-то из старших ребят...

Н.Ф.: Да, как фальшь они это воспринимали.

А.А.: ...это же вызывало негатив, и, соответственно, Генкой Глузским была сочинена песня, на мотив «Мурки», что Мурка, дорогая, поедем мы на выезд, на тебя усядутся втроем, — и так все и было и, в общем, ни к чему. Потом была одна дама, когда я пришел (даже до Евгения Васильевича или параллельно с ним), очень почтенная. Она была у места, у дела, но потом на пенсию ушла. Потому что помимо натурализма надо, чтобы дневники вели, документация велась — это тоже кто-то все должен отслеживать. Вот она это пунктуально отслеживала, чтобы ходили дети... Объявления вывешивать, потому что там своя жизнь: секции, заседания, собрания, семинары — это надо с кем-то договариваться, это кто-то должен делать.

Елизавета Ивановна, по-моему, ее звали, но я могу сейчас напутать. Потом еще одна была дама параллельно с Евгением Васильевичем или даже сразу после него.

Н.Ф.: Но это уже...

А.А.: После. Я уже работал, точно совершенно.

Н.Ф.: Да, он же тридцать лет...

А.А.: Да, я почему это знаю, потому что там возник конфликт между ней и ребятами, и даже не столько между ней и ребятами, сколько между ней и мамой Варшавской. Ей казалось, что она не так и не то. Добивались, чтобы ее уйти и в конце концов ушли...

Н.Ф.: А Варшавская тогда... Самой Надей Варшавской или ее мамой?

А.А.: Нет, ее мамой. Вот и ее ушли, и как-то даже она мне сказала, мол: «Я ухожу, вы этого добивались». Я лично к этому не имел отношения, но вроде как: «Вы должны, теперь мое место занять...» Я говорю: «Нет, я никому ничего не должен». В общем, я не помню, кто и как, но кто-то мне позвонил. Может, какой-то второй тогда был еще: не займу ли я пост руководителя. Я сказал, что не займу, мне это совершенно ни к чему. Я с семинарами бывал в КЮБЗе, и все. Я вообще себя в амплуа руководителя-координатора не мыслил никогда. Но я сказал, что могу, конечно бесплатно, какое-то время бывать в КЮБЗе по средам на семинарах, по субботам и по воскресениям надзирать проведение собраний. И так около полугода я, на общественных началах, этот локус заполнял.

Н.Ф.: Просто потому, что возникла эта пустота?

А.А.: Да, меня попросили.

Н.Ф.: Понятно. Интересно. Если мы закончили с Кивачем, то мы практически добрались уже...

А.А.: Да, сейчас я резюмирую только, что Кивач, во-первых, явился, для меня прежде всего (но, думаю, и для других) очередной фазой взросления, а для меня еще и не только в научном, но и в организационном плане и в уровне ответственности. Второе: Кивач так вдохновил Сережу Расницына, что там родилась знаменитая «Гагара» — большая поэма. Удивительно, что Сережа ведь и теперь пишет стихи, но такого эпического произведения, да и до него... — это пожалуй единственное, которое выдал КЮБЗ, на мой взгляд, действительно эпическое, большое полотно. И потом состоялась вторая экспедиция. После первой Ивантер поехал на Кивач. Собственно, Ивантер там состоялся как крупный зоолог — карельский и потом общесоюзный, потому что остался в заповеднике, потом в заповедник распределился, потом на следующий год там нашел себе жену, а пробыв несколько лет и сделав первые доклады в Петрозаводском университете, был туда приглашен и продолжал ездить в Кивач еще много лет. Может, и теперь иногда наезжает, по старой памяти. И вот регион, макрорегион Кивача, Карелии, стал, что ли, гнездом, из которого поднялся Эрнест Викторович Ивантер и его дети, которые тоже стали биологами, только они по линии физиологии пошли, уже не в Москве, а в Петербурге. Если что-нибудь вспомню потом — конечно вспомню, — я еще нараскажу.

Окончание школы

Н.Ф.: Теперь уже окончание десятого класса и поступление, как я понимаю.

А.А.: Ни в коем случае!

Н.Ф.: Нет?

А.А.: Сейчас скажу... Только все-таки не сегодня, ладно?

Н.Ф.: Хорошо.

А.А.: А я буду думать, потому что дальше был огромный кусок жизни, длиной, правда, всего-навсего в год, — но алтайского заповедника.

Н.Ф.: Ах, ну да, но было поступление. Вы сразу не поступили, значит?

А.А.: Да, конечно.

Н.Ф.: Это я знаю от Германа Васильевича. Это обязательно надо рассказать. Это очень важно.

А.А.: Потому что это, опять же, пути становления отечественной заповедной системы. Во-первых, почему Алтай.

Н.Ф.: Давайте тогда...

А.А.: Хрущевская эпоха и ликвидация заповедников, с одной стороны, а с другой — довоенные заповедники, когда они находились чуть ли не в ведомстве Каменева, наркома Красной армии.

Н.Ф.: Да, это все замечательно и важно, но давайте тогда десятый класс, зима десятого класса, поступление. Вы в первый раз, как я понимаю, не поступили.

А.А.: Да.

Н.Ф.: Вот расскажите, что, как было, если это важно. Или не надо?

А.А.: Нет, я расскажу, но так, бегло. Если что-то меня или вас заинтересует, могу детализировать.

Н.Ф.: Конечно.

А.А.: Поймите, я когда подключился к кюбзовскому поколению, еще... еще был жив Петр Александрович Мантейфель, хотя он болел. Я участвовал в похоронах, наравне, конечно, с другими. Таня Евгеньева, постарше, вместе с другими к нему домой ездила — это был, наверное, 1956 год. ...

Н.Ф.: Простите, а Таня Евгеньева — это...

А.А.: Она, кстати, председателем была.

Н.Ф.: ...сестра Дмитрия Николаевича Евгеньева и дочка полярника Евгеньева?

А.А.: Нет, не думаю. Я думаю, она сама по себе. Танечку можно об этом спросить, слава богу, она жива и здорова, возглавляет лабораторию гистологии в ИМЕЖе.

Н.Ф.: Был такой биолог по образованию, охотовед Дмитрий Николаевич Евгеньев, который...

А.А.: Я думаю, что нет.

Н.Ф.: ...погиб в экспедиции.

А.А.: Я думаю, что нет, потому что я бывал у нее дома. Она тоже жила в центре Москвы. Я помню даже ее маму. Она еще чем знаменита, Таня, помимо самой себя, она была женой Петра Гуральника какое-то время.

Н.Ф.: А, понятно, нет, это другое.

А.А.: И там родилась дочка, которая теперь жива-здорова, работает на биофаке на кафедре гистологии и очень активна, и сейчас она очень заметная фигура. Мне что-то надо было на гистологии, а мне говорят: ну это все решает она, то есть дочка.

Н.Ф.: Понятно.

А.А.: Я хорошо помню ее становление, мы у Тани регулярно одно время собирались. Кстати, не прямо до меня, а когда я пришел в КЮБЗ, Таня была, по-моему, председателем. А чего мы про Таню

заговорили?..

Н.Ф.: Вы сказали, что...

А.А.: А да, десятый класс. Да, я к чему: в 1950-е — еще были какие-то тенденции Мантейфеля и Пушно-мехового института. И будь это чуть раньше, рассматривался бы вариант Пушно-мехового института. Толик Четверяков, Леня Розенштроух, Эрик Ивантер там же начинали. Другое дело, что когда в 1954-м его закрыли и переправили в Иркутск, кое-кто даже поехал — по-моему, Четверяков — в Иркутск. А потом они все вернулись. Нет, он, по-моему, даже кончил там, в Иркутске, Четверяков. А Ивантер перешел — забыл фамилию: Соколов, по-моему, в Тимирязевке...

Н.Ф.: Кузнецов. Борис Александрович Кузнецов.

А.А.: Он перешел к Кузнецову, и у него кончал. Коренберг поступил к Кузякину в пединститут, но он же не пытался в Пушной. А Розенштроух поступил на физиологию. Но все равно: эти идеи, этот гимн охотоведов: «Нам ли бояться холода и вешать нос в тяжелую минуту? Все мы, друзья, биологи, мы гаврики Пушного института...» — и так далее мы с огромным пафосом пели, с напрягом. Я и теперь люблю эту песню. Я просто к тому, что уже к 1957—1958 году уже эти тенденции охотоведческие, фильмы и романтика охотоведения, она не только во мне, но и в других уже как-то немножко отодвинулась. И ясно вырисовался путь на биофак.

Н.Ф.: Вы же, наверное, медалист были.

А.А.: Какой там! Я же вам говорил, я плохо учился, по крайней мере, до пятого класса. Нет, у меня в аттестате, по-моему, одна тройка все-таки была. В общем, от пяти в пятом классе я пришел...

Н.Ф.: К одной.

А.А.: ...к одной в десятом классе. Я конфликтовал, по-моему, с химичкой. По химии, мне кажется, поставили тройку... Во всяком случае, благодаря КЮБЗу, я по-русски уже как-то стал читать и понял, что это вещь тоже интересная. С естественными науками, включая физику и математику, у меня не было проблем, но не круглый я, далеко не круглый был отличник, то есть не только тройка, но были четверки по ведущим предметам: по литературе, по языку, поэтому ни о какой медали речи быть не могло. Во всяком случае, я готовился достаточно серьезно... Тем не менее какая-то эта весна кюбзовства, большими компаниями мы сюда ездили, и такие истории забавные, а для меня трагичные случались: когда я надел свой парадный костюм (он мне достался от отца, с 1950-х годов), такой, в полосочку, и мы катались на лодках по Москвереке под МГУ, я лихо сидел на носу, уже две экспедиции за плечами, уже парень-хват, ого-го, сидел на носу лодки, казенной — за деньги. После факультета мы спустились вниз, кататься. И когда стали выходить (четыре-пять человек в каждой лодке сидели), я резко встал. А там был здоровый довольно гвоздь, наверное, к нему когда-то цепь привязывалась лодочная. Короче, я встал, и у меня таким треугольником на задку вырвались штаны. (*Смеется.*) Ну, сейчас бы я, может, посмеялся, но для молодого человека в восемнадцать лет, при девочках (*смеется*), задница, извиняюсь, выдеранная — это было... В каком фильме снять, скажут, что режиссер переборщил. Но жизнь, она богаче наших фантазий... Уж не помню, каким образом была найдена английская булавка, я в какие-то кусты спрятался, заколол, тихенько-тихенько, бегом, до ближайшего метро. Наверное, метромост тогда еще функционировал — в общем, до дома.

Тем не менее, это очень показательно: вместо того чтобы напряженно сидеть за книжками, как-то так. Сдавал я плохо, несерьезно очень. Сочинение, по-моему, до конца не дописал, как всегда. Двоек, правда, не получил, но троек было с избытком, и, в общем, у меня практически не было шансов пройти. Тут мы были не первые: за год и за два перед нами кюбзовцы, не попавшие в вуз — Леня Баскин, Слава Березин, Женя Курочкин, — правда, в разное время, год работали в заповедниках. Леня Баскин со Славой Березиным (который, потом биофак кончал, по-моему, физиологию) — они в Кавказском заповеднике работали. Там кто-то третий, я сейчас не могу вспомнить, с ними был. А Курочкин и Витя Павлов — они работали на Семи островах в заповеднике. Так что мы не были пионерами в этой традиции, мы шли по проложенному пути. Вот почему это был Алтайский — это большая эпопея, я бы хотел о ней рассказать отдельно.

Н.Ф.: Хорошо.

А.А.: Это связано с ликвидацией, с политикой Никиты Сергеевича.

Н.Ф.: С ликвидацией заповедников.

А.А.: И почему они потом перестали их ликвидировать. Это большая история страны.

Н.Ф.: Это интересная тема. Ну, спасибо большое! Спасибо.